

От автора бестселлера «Шестерка воронов»

ЛИ БАРДУГО

ЧУДО-ЖЕНЩИНА
ВЕСТНИЦА ВОЙНЫ

DC Icons Series

Ли Бардуго

Чудо-Женщина. Вестница войны

«АСТ»

2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Бардуго Л.

Чудо-Женщина. Вестница войны / Л. Бардуго — «АСТ»,
2018 — (DC Icons Series)

ISBN 978-5-17-105902-6

Юная Диана, принцесса амазонок, жаждет доказать, что она ничем не хуже старших сестер – опытных воительниц. Но когда у нее появляется шанс проявить себя, она жертвует возможностью прославиться ради спасения ровесницы. Вскоре Диана узнает, что уберегла от смерти не совсем обычную девушку, однако своим смелым поступком, вероятно, навлекла беду на весь мир. Для широкого круга читателей

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-105902-6

© Бардуго Л., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	51
Глава 6	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ли Бардуго

Чудо-Женщина. Вестница войны

Leigh Bardugo

WONDER WOMAN. WARBRINGER

This translation is published by arrangement with Random House Children's Books,
a division of Penguin Random House LLC

Wonder Woman created by William Moulton Marston

Copyright © 2018 DC Comics.

WONDER WOMAN and all related characters and elements

© & TM DC Comics. WB SHIELD: TM & © WBEI. (s18)

RHUS38090

Jacket art by Jacey

© М. Давыдова, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Джоанне Вольп – сестре по оружию.

*Ближе ко мне подойдите для боя, и вы убедитесь,
сколь необорная сила в груди амазонок таится¹.*

Квинт Смирнский, «После Гомера»

¹ Перевод А. Большакова.

Глава 1

«Ты участвуешь не для того, чтобы проиграть».

Диана стояла на линии старта, нетерпеливо приподнимаясь на носках. Мышцы ног были натянуты, как тетива; в ушах звучали слова матери. На соревнования по борьбе и метанию копья, которыми открывались Немезийские игры, собралась шумная толпа зрителей, но главным событием дня было состязание по бегу, и теперь трибуны гудели от новости о том, что в забеге участвует дочь королевы.

Когда Ипполита увидела среди амазонок, толпящихся на песчаной арене, Диану, на ее лице не отразилось ни капли удивления. Она спустилась к участницам, чтобы пожелать им удачи, как того требовала традиция, перебросилась шуткой с одной, подбодрила другую. Поравнявшись с Дианой, она коротко кивнула, ничем не выделяя ее среди остальных, но прошептала – так, чтобы слышала только дочь: «Ты участвуешь не для того, чтобы проиграть».

Вдоль дороги, ведущей с арены, уже выстроились амазонки, топая ногами и требуя начать забег.

Рани, стоявшая по правую руку от Дианы, ослепительно улыбнулась.

– Удачи тебе сегодня.

Всегда добрая, всегда приветливая и, конечно, всегда и во всем первая.

Слева от Дианы Тира фыркнула и покачала головой.

– Она ей понадобится.

Диана ничего не ответила. Она ждала этого забега несколько недель, воображая, как пересечет остров и захватит один из красных флагов, что висят под огромным куполом в Бана-Мигдалл. В беге на короткую дистанцию у нее не было шансов: ее сила еще не достигла полного расцвета. «Когда-нибудь ты станешь настоящей амазонкой», – обещала мать. Но мать всегда была щедра на обещания.

Этот забег – совсем другое дело. Здесь требовалась стратегия, и Диана была готова. Она тренировалась втайне от всех, бегая наперегонки с Мейв и изучая свой маршрут – пусть не самый удобный для бега, зато ведущий напрямик к западной оконечности острова. Она даже – ну, не то чтобы *шпионила*... Она собирала информацию об остальных участницах забега. Диана была самой маленькой и, естественно, самой юной из них, но за последний год она здорово вытянулась и почти догнала Тиру.

«Не нужна мне удача, – сказала она себе. – У меня есть план». Она окинула взглядом амазонок, которые выстроились вдоль линии старта, словно войско, готовое ринуться в бой, и поправилась: «Немного удачи, пожалуй, не помешает». Ей нужен был лавровый венок. Никакие короны и диадемы не могли с ним сравниться. Корона достается по праву рождения. Лавровый венок нужно заслужить.

Она отыскала в толпе рыжие волосы и веснушчатое лицо Мейв и широко улыбнулась, пытаясь выглядеть уверенно. Мейв улыбнулась в ответ, сделала пару выпадов в воздухе и прошептала одними губами: «Успокойся».

Диана закатила глаза, но кивнула и постаралась дышать медленнее. Из-за скверной привычки брать на старте слишком высокий темп она быстро выбивалась из сил.

Она выбросила из головы посторонние мысли и заставила себя сосредоточиться на маршруте. Тем временем Текмесса прохаживалась вдоль линии старта, осматривая участниц. В ее густых кудрях сверкали драгоценные камни; на загорелых руках красовались блестящие серебряные браслеты. Она была ближайшей советницей Ипполиты, обладала авторитетом, уступающим лишь королевской власти, и держала себя так, словно на ней было не украшенное поясом темно-синее платье, а боевой доспех.

– Полегче, Пиксида, – прожурчала Тек, проходя мимо Дианы. – Жаль будет, если разобьешься.

Услышав это прозвище, Тира фыркнула снова, но Диана и глазом не повела. «Посмотрим, как ты будешь улыбаться, когда я взойду на пьедестал», – подумала она.

Тек воздела руки, призывая толпу к тишине, и поклонилась Ипполите, которая сидела в компании двух амазонок из Совета в королевской ложе, представляющей собой высокий помост под шелковым навесом, выкрашенным в яркие цвета королевы – красный и синий. Диана знала, что Ипполита предпочла бы видеть ее именно там. Королевской дочери полагалось вместе с матерью наблюдать за играми, а не стоять внизу, среди участниц. Ну и пусть, подумала Диана. Когда она победит, все это будет уже не важно.

Ипполита, элегантная даже в простом венце, белой тунике и штанах для верховой езды, едва заметно кивнула. Весь ее вид излучал спокойствие и непринужденность. Казалось, она в любой момент может прыгнуть вниз и присоединиться к состязанию, и при этом она неизменно сохраняла царственный облик.

Тек обратилась к участницам, собравшимся на песчаной арене.

– Во славу кого вы состязаетесь?

– Во славу амазонок, – откликнулся стройный хор. – Во славу нашей королевы.

Сердце Дианы забилось быстрее. Никогда раньше она не произносила этих слов как полноправная участница соревнований.

– Кому мы каждый день воздаем хвалу? – прогремела Тек.

– Гере, – ответил хор. – Афине, Деметре, Гестии, Афродите, Артемиде.

Богиням, которые создали Темискиру и подарили эту тихую гавань Ипполите.

Тек замолчала, и Диана услышала, как вдоль линии шепотом проносятся другие имена: Ойя, Дурга, Фрейя, Мария, Иаиль. Имена, которые выкрикивали перед смертью, последние молитвы воительниц, павших в бою, слова, которые привели их всех на этот остров и подарили им новую жизнь – жизнь амазонок. Рядом с Дианой Рани пробормотала имена семерых матерей и охотниц на демонов Матрики и прижала к губам прямоугольный амулет, который носила не снимая.

Тек подняла в воздух кроваво-красный флаг. Точно такие же флаги ждали участниц в Бана-Мигдалл.

– Пусть остров подскажет вам путь к достойной победе, – закричала она.

Красный шелк упал на землю. Толпа взревела. Бегуны хлынули к восточной арке.

Забег начался.

Диана и Мейв предвидели затор на выходе с арены, но Диана все равно почувствовала укол раздражения, когда увидела у каменной глотки тоннеля море белых туник, в котором переплетались крепкие руки и ноги. Звук шагов эхом отражался от каменных стен; каждой хотелось покинуть арену среди первых. Наконец они оказались на дороге и рассредоточились, следуя выбранным маршрутам.

«Ты участвуешь не для того, чтобы проиграть».

Диана повторяла слова матери, подстраивая под них темп движения. Босые ноги шлепали по утопанной дороге, которая вела через густую чащу Кибелы к северному побережью острова.

Обычно дорога через лес занимала много времени: мешали поваленные деревья и заросли лозы – до того плотные, что прорубиться через них можно было лишь изрядно затупив клинок. Но Диана все продумала заранее. Она двигалась по лесу около часа, после чего свернула в сторону и оказалась на пустынной дороге, бежавшей вдоль берега. Ветер взъерошил ей волосы, в лицо ударили соленые брызги. Она глубоко вздохнула и сверилась с положением солнца. Она обязательно победит – не просто займет призовое место, а победит.

За неделю до забега они с Мейв в деталях проработали маршрут и дважды тайком бежали по нему в серые предрассветные часы, когда их сестры еще только выбирались из постелей, в кухнях только начинали разжигать огонь, а опасаться стоило разве что любопытных глаз охотниц и тех, кто поднимался засветло, чтобы поставить сети. Но охотницы предпочитали леса и поля на юге, да и рыбу в этой части острова никто не ловил. Здесь негде было даже спустить на воду лодку: серые, как сталь, отвесные скалы ныряли прямо в море, и добраться до крошечной неприютной бухты можно было только по бегущей наискось тропе, настолько узкой, что идти приходилось боком, прижимаясь к камню спиной.

Северное побережье острова было серым, мрачным и негостеприимным местом, и Диана знала этот уединенный пейзаж с его утесами, пещерами и приливными заводами, кишачими моллюсками и актиниями, как свои пять пальцев. Когда ей хотелось побыть одной, она шла сюда. Мать говорила, что остров во всем стремится им угодить. Поэтому на Темискире сосновые леса соседствовали с рощами фикусов; поэтому днем здесь можно было разъезжать по лугам на коренастом пони, а вечером верхом на верблюде рассекать хребты песчаных дюн, залитых лунным светом. Это место сочетало все, что было дорого амазонкам в их прошлой жизни, пробуждало воспоминания о родных местах.

Иногда Диана гадала, не появилось ли северное побережье Темискиры специально для нее, чтобы ей было, где взбираться по отвесным скалам и куда бежать, когда роль королевской дочери становилась совсем уж невыносимой.

«Ты участвуешь не для того, чтобы проиграть».

Это были не просто общие слова. Они обе понимали, что проигрыш Дианы будет значить нечто большее – и не только потому, что она принцесса.

Диана словно чувствовала на себе пронизательный взгляд Тек, слышала насмешку в ее голосе. *«Полегче, Пиксида»*. Так ее называла Тек. Пиксида. Маленький глиняный сосуд для хранения драгоценностей или кармина, которым подкрашивали губы. Это безобидное прозвище было придумано как шутка и использовалось с нежностью – так, по крайней мере, утверждала Тек. Но всякий раз оно жалило Диану, напоминая, что она отличается от других амазонок и никогда не будет такой, как они. Ее сестры были воительницами, закаленными в бою; сталью, выкованной из страданий и заточенной до совершенства обретенным бессмертием. Все они заслужили свое место на Темискире. Все, кроме Дианы, рожденной из почвы острова и страстного желания Ипполиты иметь ребенка. Пустой, хрупкий сосуд, вылепленный из глины руками матери. *«Полегче, Пиксида. Жаль будет, если разобьешься»*.

Диана выровняла дыхание и постаралась двигаться спокойнее. *«Не сегодня, Тек. Сегодня лавровый венок будет моим»*.

Она мельком глянула на горизонт, и морской бриз охладил пот, выступивший на лбу. В туманной дымке маячил белый силуэт корабля. Он подошел так близко к границе, что можно было даже разглядеть паруса. Судно было небольшое – возможно, шхуна? Ей всегда с трудом давались мореходные термины. Грот-мачта, бизань, тысяча названий парусов и узлов, используемых в такелажных работах. Одно дело – знакомиться с морским ремеслом, сидя в лодке с Теутой, которая ходила под парусом с иллирийскими пиратами, и совсем другое – торчать в библиотеке Эфезеума и остекленелыми глазами разглядывать схему бригаантины или каравеллы.

Иногда Диана и Мейв устраивали игру, высматривая корабли и самолеты, и однажды даже разглядели на горизонте жирную кляксу круизного судна. Но, как правило, смертные предпочитали держаться подальше от этой части Эгейского моря, где стрелки компасов начинали бешено вращаться, а приборы неожиданно отказывались работать.

Сегодня по ту сторону границы, видимо, собирался шторм. Жаль, нельзя остановиться и посмотреть. Дожди в Темискире были невыносимо мягкие и предсказуемые; об угрожающих раскатах грома и сверкании молний не приходилось даже мечтать.

– Ты скучаешь по грозам? – однажды спросила она Мейв, когда они валялись на солнце на крыше дворца, слушая отдаленное гроыхание бури.

Мейв погибла во время засады под Кросберри, и последними ее словами стала молитва святой Бригитте Ирландской. По сравнению с другими амазонками она появилась на острове недавно и была родом из Корка, известного своими грозами.

– Нет, – певуче ответила Мейв. – Я скучаю по крепкому чаю, танцам, мальчикам – но уж точно не по дождю.

– Мы тоже танцуем, – запротестовала Диана.

Мейв засмеялась.

– Когда знаешь, что когда-нибудь умрешь, танцуешь по-другому. – Она потянулась. Россыпь веснушек усеивала ее белую кожу, как облако пыльцы. – Наверное, в прошлой жизни я была кошкой. Все, чего я хочу, – это целыми днями дремать на солнце.

«Успокойся». Диана боролась с желанием ускорить шаг. Нелегко было сдерживаться, когда утреннее солнце грело плечи, а в спину дул попутный ветер. Она чувствовала в себе силу. Но чувствовать силу легко, пока вокруг никого нет.

Над водой разнесся грохот – тяжелый металлический удар, словно от захлопнутой двери. Диана сбилась с шага. На горизонте в голубое небо поднимался из языков пламени столб дыма. Шхуна горела, нос разнесло в щепки, одна из мачт рухнула, парус накрыл леера.

Диана осознала, что притормозила, и заставила себя вернуться к нужному темпу. Она все равно ничем не может помочь. Самолеты падают. Корабли разбиваются о скалы. Так устроен мир смертных. Катастрофы происходят в нем постоянно. Человеческая жизнь – поток страданий, который никогда не достигает берегов острова. Диана перевела взгляд на дорогу. Далеко впереди она видела огромный купол в Бана-Мигдалл, сверкающий золотом в лучах солнца. Сначала красный флаг, потом – лавровый венок. Таков план.

Ветер донес до нее отдаленный крик.

«Чайка», – сказала она себе. «Девушка», – возразил голос внутри нее. – «Это невозможно». Разве можно расслышать человеческий крик с такого расстояния?

И потом, она в любом случае ничего не могла сделать.

И все же ее глаза устремились к горизонту. «Я просто хочу рассмотреть получше, – сказала она себе. – У меня еще полно времени. Я всех опережаю».

У нее не было причин сворачивать со старой заезженной дороги, и тем более не было никакого смысла огибать край скалы, но она это сделала.

Прозрачная бирюзовая вода у берега была спокойна. Вдалеке же море было диким, темно-синим, почти черным. Остров, может, и стремился угодить ей и ее сестрам, но мир по ту сторону границы к счастью и безопасности своих обитателей был равнодушен.

Даже издалека было понятно, что шхуна идет ко дну, но Диана не видела ни спасательных шлюпок, ни сигнальных ракет – только обломки, качающиеся на волнах. Все кончено. Диана энергично потерла плечи, прогоняя внезапный холодок, и вернулась на дорогу. Такова человеческая жизнь. Они с Мейв не раз ныряли у самой границы и видели обломки самолетов, клиперов и обтекаемые корпуса моторных лодок. Дерево, пропитанное соленой водой, не поддавалось гниению. Со смертными все было иначе. Они становились пищей для глубоководных рыб, для акул – и для времени, которое медленно и неумолимо пожирало их и на воде, и на суше.

Диана снова сверилась с положением солнца. До Бана-Мигдалл осталось сорок минут, возможно, даже меньше. Она велела ногам шевелиться. Она потеряла всего несколько секунд. Она еще может наверстать упущенное время. Вместо этого она обернулась.

В старых книгах она читала легенды о женщинах, которые оборачивались и совершали тем самым ужасную ошибку. Они оборачивались, покидая горящие города. Оборачивались на пути из ада. Но Диана все равно перевела взгляд на корабль, тонущий в волнах, торчащий из воды, как сломанное птичье крыло.

Она прикинула расстояние до края утеса. Подножие было усеяно зазубренными камнями. Если толчок выйдет недостаточно сильным, последствия будут отвратительные, но падение ее не убьет. «Оно не убьет настоящую амазонку, – подумала она. – А как насчет тебя?» Что ж, она *надеялась*, что падение ее не убьет. Хотя то, что не сделает падение, в любом случае довершит мать.

Диана еще раз глянула на тонущий корабль и сорвалась с места, быстро работая руками и размашистыми прыжками сокращая расстояние до края утеса. «Остановись, остановись, остановись, – стучало в висках. – Это безумие». Даже если на корабле есть выжившие, она ничем не может им помочь. Попытаться их спасти равносильно тому, чтобы обречь себя на изгнание, – исключение немыслимо даже для принцессы. «*Остановись*». Она не знала точно, почему не подчинилась. Ей хотелось верить, что в ее груди бьется сердце героини, которое и заставило ее откликнуться на испуганный зов. Но, отталкиваясь от земли и взмывая в воздух, она уже знала, что отчасти поступила так, потому что хотела бросить вызов бескрайнему серому морю, которое было совершенно равнодушно к ее желаниям.

Ее тело описало в воздухе плавную дугу, руки вытянулись вперед, указывая направление, как стрелка компаса. Гладким стремительным движением она вошла в воду. В уши хлынула тишина, мышцы напряглись, ожидая встречи с камнями. Но удара не последовало. Она вынырнула, сделала глубокий вдох и поплыла к границе, рассекая теплую воду руками.

Она всегда испытывала легкое волнение, когда оказывалась рядом с границей, где температура воды менялась и холод сперва касался кончиков пальцев, а затем охватывал голову и плечи. Они с Мейв любили плавать у южного побережья, подначивая друг друга заплывать все дальше. Однажды они увидели в тумане корабль с матросами на корме. Один из них поднял руку и указал в их сторону. На всякий случай они нырнули поглубже, бешено жестикулируя друг другу под водой и хохоча так, что чуть не захлебнулись соленой водой, пока добирались до берега. «Мы прямо как сирены», – выдавила Мейв, когда они рухнули на теплый песок, вот только им обоим медведь на ухо наступил. Остаток дня они провели, фальшиво распевая ирландские застольные песни и глупо хохоча, пока на них не наткнулась Тек, после чего песни быстро умолкли. Нарушение границы было мелким проступком. А вот то, что смертные видели их рядом с островом, могло повлечь суровое наказание. И что Диана делает сейчас?

«*Остановись*». Но как она могла остановиться, если высокий человеческий крик до сих пор звенел у нее в ушах?

Диана почувствовала, как холодная вода за пределами границы охватила ее тело. Она целиком оказалась во власти моря, и моря недружелюбного. Течение схватило ее за ноги и потащило вниз, как огромная сила, как легкий рывок морского бога. «С ним надо бороться», – вдруг поняла она и напрягла мышцы, чтобы повернуть в нужную сторону. Еще никогда ей не приходилось соперничать с морем.

Она вынырнула, хватая воздух и пытаясь сориентироваться посреди гребней волн. Вода была усеяна обломками, щепками, осколками стеклопластика, оранжевыми спасательными жилетами, которые экипаж, видимо, надеть не успел. Сквозь дождь и туман, окутывающий остров, почти ничего не было видно.

«Что я делаю? – спросила она себя. – Корабли терпят крушения. Люди гибнут». Она снова нырнула, вглядываясь в бурлящую серую воду, но никого не увидела.

Диана поднялась на поверхность, чувствуя, как осознание собственной глупости больно отзывается в животе. Она пожертвовала забегом. Это был ее шанс проявить себя перед сестрами, заставить мать ею гордиться. Вместо этого она отказалась от победы – и ради чего? Ради этих обломков?

Где-то на периферии зрения мелькнуло что-то белое – вероятно, раньше это была часть корпуса корабля. Обломок поднялся на волнах, исчез, показался снова, и тут Диана увидела, что за него изо всех сил цепляется тонкая темная рука. В следующее мгновение она исчезла.

Очередная волна поднялась, как огромная серая гора. Диана нырнула в нее, яростно работая ногами, всплыла, скользя взглядом по мусору и осколкам стеклопластика, которые сбились в одну сплошную массу.

Рука показалась снова – а за ней вторая, тело, опущенная голова, сжатые плечи, канареечная рубашка и спутанные темные волосы. Это была девушка. Она подняла голову, хватая воздух ртом и распахнув наполненные ужасом глаза. Волна накрыла ее и разбилась белыми брызгами. Обломок корпуса всплыл на поверхность. Девушки не было.

И снова вниз. Диана направилась к месту, где девушка ушла под воду. Впереди мелькнуло что-то желтое; Диана подплыла туда, схватила ткань и потянула на себя. Из мутной воды на нее выплыло призрачное лицо – золотые волосы и мертвые голубые глаза. Она никогда не видела так близко труп. Она никогда не видела так близко мужчину. Она отпрянула и выпустила рубашку, но, глядя, как труп исчезает в глубине, не могла не отметить различия: твердую челюсть, широкий лоб – совсем как на картинках в книгах.

Она снова вынырнула, но теперь совсем потеряла чувство направления среди волн и обломков корабля; остров смутной тенью маячил далеко в тумане. Если ее снесет еще дальше, она может не найти дорогу назад.

Перед глазами стояла худенькая ручка со сжатыми пальцами, яростно цепляющимися за жизнь. «Еще разок», – сказала она себе. Она нырнула, чувствуя, как холод пробирает ее до костей, и ушла на глубину.

Секунду мир состоял из серого потока и мутного моря, а в следующий миг рядом возникла девушка в своей канареечной рубашке. Она висела в воде лицом вниз, раскинув руки и ноги, как морская звезда. Глаза ее были закрыты.

Диана обхватила ее за талию и устремилась к поверхности. На одну жуткую секунду она подумала, что потеряла остров, но тут туман расступился. Она энергично поплыла вперед, одной рукой неловко прижимая девушку к груди, а другой нащупывая пульс. *Есть*. Под челюстью, слабый, прерывистый, но есть. Девушка не дышала, но сердце ее еще билось.

Диана колебалась. Она видела очертания Филоса и Эктрота, двух скал, отмечавших примерное начало границы. Правила были просты. Останавливать течение жизни и смерти запрещено, и оно никогда не должно коснуться острова. Исключений быть не может. Человеку не место на Темискире, даже если речь идет о спасении жизни. Нарушить это правило значило только одно: изгнание.

Изгнание. Слово легло на сердце камнем, непрошенным грузом. Пересечь границу – это одно, но то, что она сделала, может навсегда оторвать ее от острова, от сестер, от матери. Мир казался слишком большим, море – слишком глубоким. «*Отпусти ее*». Вот оно, решение. Отпустить девушку, и можно будет сделать вид, что Диана никогда не прыгала со скал. И тяжесть уйдет.

Диана вспомнила руку девушки, яростную хватку, стальную решимость в глазах за секунду до того, как ее накрыла волна. Она чувствовала ее рваный пульс, отдаленный барабанный бой, звук войска в походе – войска, которое храбро сражалось, но нового боя уже не выдержит.

Она поплыла к берегу.

Когда она пересекла границу, прижимая к себе девушку, дымка рассеялась, а дождь прекратился. Тело наполнилось теплом. После бушующего моря спокойная вода казалась какой-то безжизненной, но жаловаться Диана не собиралась.

Когда ее ноги коснулись песчаного дна, она сделала рывок и перехватила девушку поудобнее, чтобы вытащить ее с мелководья. Она была пугающе легкая, почти невесомая. Диана словно держала на ладонях воробьиное тельце. Неудивительно, что море с такой легкостью издевалось над этим созданием и другими членами экипажа; она казалась чем-то временным, вроде гипсового слепка с тела.

Диана бережно положила ее на песок и еще раз проверила пульс. Сердце не билось. Она знала, что нужно заставить сердце работать и очистить легкие от воды, но очень смутно представляла, как это делается. Диана изучала основы помощи утопающим, но ей никогда не приходилось применять эти знания за пределами классной комнаты. Впрочем, возможно, что она просто не очень прилежно училась. Велика ли была вероятность того, что кто-то из амазонок начнет тонуть, особенно в спокойных водах, омывающих Темискиру? А теперь ее беспечность может стоить этой девушке жизни.

«Сделай что-нибудь, – сказала она себе, пытаясь унять панику. – Зачем ты вытаскивала ее из воды, если собираешься сидеть и смотреть на нее, как перепуганный кролик?»

Диана прижала два пальца к грудной клетке девушки и сдвинула их чуть ниже, надеясь, что выбрала правильное место. Затем сложила руки вместе и надавила. Ребра девушки прогнулись под ладонями. Диана торопливо убрала руки. Из чего она сделана? Из пробкового дерева? Она была не прочнее маленьких макетов памятников, которые Диану заставляли мастерить к занятиям. Она мягко надавила снова. И снова. Она зажала пальцами нос девушки, накрыла ртом ее холодеющие губы и вдохнула.

Воздух заполнил легкие девушки, грудь приподнялась, но на этот раз от Дианы явно требовалось усилие посерьезнее. Внезапно девушка закашлялась и изогнулась, исторгая из себя соленую воду. Диана откинулась назад с нервным смешком. У нее получилось. Девушка выжила.

Осознание того, что она только что совершила, потрясло ее. Аидовы псы, *у нее получилось. Девушка выжила.*

И пыталась сесть.

– Ну-ка, – Диана поддержала девушку за спину. Она не могла просто сидеть и смотреть, как та бьется на песке, словно выброшенная на берег рыба, но и назад в море отпустить ее не могла. Или?.. Нет. Смертных определенно так и тянет на дно.

Девушка схватилась за грудь, жадно хватая воздух.

– Остальные, – выдохнула она. Ее глаза распахнулись так широко, что Диана видела белок вокруг всей радужки. Девушку трясло, но от холода или шока, Диана не знала. – Мы должны им помочь...

Диана покачала головой. Если среди обломков и были следы других выживших, она их не видела. И потом, в мире смертных время идет быстрее. Даже если она поплывет назад, к тому моменту, как она доберется до границы, шторм уже расправится и с телами, и с останками корабля.

– Они мертвы, – сказала Диана и тут же пожалела, что не подбирала слова тщательнее. Девушка открыла рот, закрыла. Ее трясло так сильно, что Диана начала опасаться, что она расколется на части. Со смертными ведь так не бывает? Или бывает?

Диана окинула взглядом утесы над пляжем. Кто-нибудь мог увидеть ее в воде. Она была уверена, что единственная из участниц выбрала этот маршрут, но кто угодно мог заметить взрыв и прийти посмотреть, что произошло.

– Нам нужно уйти с пляжа. Ты можешь идти?

Девушка кивнула, стуча зубами, но не пошевелилась. Взгляд Дианы снова скользнул по утесам.

– Я серьезно. Вставай.

– Я пытаюсь.

Непохоже было, чтобы она пыталась. Диана напрягла память и попыталась вспомнить все, что ей рассказывали о смертных, все *человеческое*: пищевые привычки, температура тела, культурные нормы. К сожалению, мать и учителя придавали куда больше значения тому, что Диана называла Мрачными Предостережениями: война. пытки. Геноцид. Загрязнение окружающей среды. Грамматические ошибки.

Девушка, дрожавшая перед ней на песке, до категории Мрачных Предостережений, пожалуй, недотягивала. На вид она была примерно ровесницей Дианы. Темная кожа, спутанные тонкие косички, в которые забился песок. В ее состоянии она явно могла навредить разве что себе. И все равно она представляла для Дианы угрозу. Она могла навлечь на нее изгнание. Она могла навсегда лишить ее дома. Нет, лучше об этом не думать. Вместо этого Диана вспомнила уроки Теуты. *«Составь план. Люди часто проигрывают битвы потому, что не понимают, в какой войне сражаются»*. Так, ладно. В таком состоянии девушка далеко не уйдет. Может, это и к лучшему, учитывая, что вести ее Диане некуда.

Она положила руку девушке на плечо, надеясь ее утешить.

– Слушай, я знаю, что тебе плохо, но нам нужно уйти с пляжа.

– Почему?

Диана немного помялась и выбрала ответ правдивый, хотя и не совсем откровенный.

– Скоро прилив.

Похоже, это сработало: девушка кивнула. Диана встала и протянула ей руку.

– Я в порядке. – Девушка отмахнулась и поднялась сначала на колени, потом на ноги.

– А ты упрямая, – сказала Диана с ноткой уважения в голосе. Девушка чуть не утонула и была крайне слаба, но явно не желала принимать помощь – и, разумеется, ей не понравится то, что Диана собирается предложить.

– Мне придется посадить тебя на спину.

Девушка нахмурилась.

– Это еще зачем?

– Затем, что сама ты наверх не заберешься.

– Там есть тропа?

– Нет, – сказала Диана.

Это, конечно, была неправда. Диана не стала затевать спор и молча повернулась к девушке спиной. Минуту спустя пара рук обвила ее за шею. Девушка забралась ей на спину, и Диана перехватила ее поудобнее.

– Держись крепче.

Руки стиснули ей горло.

– Не так сильно, – просипела Диана.

– Извини! – девушка ослабила хватку.

Диана трусцой двинулась вперед.

Девушка застонала.

– Помедленнее. Кажется, меня сейчас стошнит.

– Стошнит? – Диана припомнила, что знает о физиологии смертных, и торопливо смягчила шаг. – Даже не вздумай.

– Смотри не урони меня.

– Да ты весишь, как пара ботинок. – Диана пробиралась между больших валунов у подножия скалы. – Мне нужны свободные руки, чтобы забраться, так что тебе придется держаться и ногами.

– Забраться?

– На скалу.

– Ты хочешь затащить меня наверх *по отвесной скале*? Ты спятила?

– Просто держись крепче и постарайся меня не задушить.

Диана уцепилась за камень и начала удаляться от земли, пока девушка не сообразила, что к чему.

Она двигалась быстро. Это была знакомая территория. С тех пор, как Диана открыла для себя северное побережье, она взбиралась на эти утесы сотни раз, а когда ей было двенадцать, обнаружила пещеру, к которой они сейчас и направлялись. Пещеры были и ближе к воде, но во

время прилива их затапливало. Кроме того, до них было слишком просто добраться всякому, кто по какой-то причине ими заинтересуется.

Девушка снова застонала.

– Мы почти на месте, – попыталась ее подбодрить Диана.

– У меня закрыты глаза.

– И правильно. Просто постарайся, чтобы... ну, ты поняла.

– Чтобы я не облевала тебя с ног до головы?

– Да, – сказала Диана. – Именно.

Хотя амазонки тошнотой не страдали, это явление встречалось в некоторых романах и в подробностях описывалось в ее учебнике анатомии. К счастью, без иллюстраций.

Наконец Диана добралась до пятка земли у входа в пещеру. Девушка скатилась с ее спины и тяжело вздохнула. Пещера была высокой, узкой и на удивление глубокой, словно кто-то перенес внутрь утеса горный хребет. Черные поблескивающие стены не просыхали от соленых брызг. В детстве Диана воображала, что если двигаться вглубь, можно пройти утес насквозь и выйти в совершенно незнакомом месте. Но нет. Это была обычная пещера, которая оставалась пещерой, несмотря на все ее мечты.

Диана подождала, пока глаза привыкнут к темноте, и углубилась в пещеру. Старая попона, завернутая в промасленную ткань и почти сухая, хоть и покрытая капельками воды, была на месте; рядом лежала жестяная коробка с припасами.

Она накинула попону девушке на плечи.

– Мы не поднимемся на вершину? – спросила та.

– Пока нет. – Диане нужно было вернуться на арену. Забег, должно быть, подошел к концу, и она не хотела, чтобы ее хватились. – Ты голодная?

Девушка покачала головой.

– Нужно позвонить в полицию, спасателям и в поисковую службу.

– Это невозможно.

– Я не знаю, что произошло, – сказала девушка. Ее снова начала бить дрожь. – Жасмин и Рэй спорили с доктором Эллис, а потом...

– Взрыв. Я видела с берега.

– Это я виновата, – всхлипнула девушка, и по ее щекам заструились слезы. – Они мертвы, и виновата в этом я.

– Не надо, – мягко сказала Диана, чувствуя, как подступает паника. – Это все шторм. – Она положила руку на плечо девушки. – Как тебя зовут?

– Алия, – ответила девушка и обхватила голову руками.

– Алия, мне нужно идти, но...

– Нет! – резко откликнулась Алия. – Не бросай меня здесь.

– Придется. Я... мне надо привести помощь.

На самом деле Диане надо было вернуться в Эфезеум и выяснить, как убрать девушку с острова, пока про нее никто не узнал.

Алия схватила ее за руку, и Диана снова вспомнила, как она цеплялась за тот обломок корабля.

– Пожалуйста, – сказала Алия, – поторопись. Может, они пришлют вертолет. Может, кто-то выжил.

– Я вернусь, как только смогу, – пообещала Диана. Она придвинула к девушке жестяную коробку. – Там внутри сушеные персики, орехи пили и немного воды. Не пей все сразу, оставь на потом.

Ресницы Алии задрожали.

– На потом? Как долго тебя не будет?

– Может, несколько часов. Я вернусь, как только смогу. А ты грейся и отдыхай. – Диана встала. – И не выходи из пещеры.

Алия подняла голову. Ее глаза были глубокого карего цвета, с густыми ресницами. Взгляд испуганный, но твердый. Казалось, Алия впервые по-настоящему увидела Диану с момента, как та вытащила ее из воды.

– Где мы? – спросила она. – Что это за место?

Диана не знала, что ответить, и сказала просто:

– Это мой дом.

Она схватилась за камень и вынырнула из пещеры, прежде чем Алия успела спросить что-то еще.

Глава 2

«Может, стоило ее связать?» – раздумывала Диана, взбираясь на утес. После прохлады пещеры полуденное солнце приятно грело плечи. Нет. У нее не было веревки, да и сама идея связывать человека, который только что едва не умер, казалась неправильной. Но ей нужно придумать, что отвечать, когда она вернется. Алия еще не оправилась после кораблекрушения, но она постепенно приходит в себя и явно не глупа. Надолго ее в пещере не удержать.

Диана широко шагала по дороге. Идти в Бана-Мигдалл за флагом было бессмысленно. Она вернется на арену и придумает какое-нибудь оправдание – но здесь ее мысли заходили в тупик. Чем дальше она удалялась от утесов, тем глупее казалось ее решение. Под ребрами кольцами сворачивался холодный, колючий страх. На острове свои законы и свои запреты, и на каждый из них есть свои причины. Здесь запрещено было носить оружие – только тренировочное и церемониальное. Редкие вылазки с острова происходили с одобрения Совета амазонок и Оракула и направлены были на то, чтобы сохранить уединенность Темискиры.

Ей нужно как можно скорее вернуть Алию в мир смертных. Пока она ждет в пещере, в человеческом мире пройдет не один день. За затонувшим кораблем могли выслать спасательные суда. Если Диана поспешит, она сможет отвезти ее к месту взрыва на лодке и подстроить встречу со спасателями. Даже если Алия попытается рассказать о Темискире и ей каким-то чудом поверят, она ни за что не сможет найти дорогу на остров.

Со стороны Эфезеума низко прогудел рог, и сердце Дианы пропустило удар. Забег завершился. Кто-то получил лавровый венок, который она собиралась надеть сама. «Я спасла человека», – напомнила она себе, но мысль почему-то не утешала. Если кто-то узнает об Алии, Диане придется навсегда распрощаться с домом. Из всех правил острова запрет на чужаков был самым строгим. Этот остров принадлежал амазонкам, которые завоевали себе право жить на Темискире. Они с честью погибли в бою, доказав свою отвагу и мужество, и если перед смертью они зывали к своим богиням, им могла быть дарована новая мирная жизнь в окружении сестер. «Афина, Чандрагханта, Пеле, Банба». Богини со всего света, воительницы всех народов. Каждая амазонка заслужила себе место на острове. Кроме Дианы, конечно.

Колючее кольцо внутри сжалось. Может, спасение Алии было не ошибкой, а судьбой. Если она никогда не имела права жить на острове, возможно, изгнание было неизбежно?

Когда на горизонте показались башни Эфезеума, она ускорила шаг, но от ужаса ноги налились тяжестью. Как после этого она собирается смотреть в лицо матери?

Слишком рано земля под босыми ногами сменилась толстыми потертыми плитами белого истрийского камня. Когда она вошла в город, ей показалось, что отовсюду – с балконов, из открытых садов – на нее смотрят люди, с любопытством провожая ее взглядами, пока она приближается к арене. Это было одно из самых красивых зданий в городе: купол из сверкающего белого камня покоился на изящных арках, на которых были высечены имена победительниц.

Диана прошла под аркой, посвященной Пентесилее. Она слышала радостные возгласы и топот, но зрелище, которое открылось ей, когда она вышла на залитую солнцем арену, было куда хуже, чем она ожидала. Она не просто проиграла. Она вернулась последней. Победительницы стояли на пьедестале; церемония награждения уже началась. Первой, разумеется, пришла Рани. Она бегала на длинные дистанции и в смертной жизни, и будучи амазонкой. Хуже всего было то, что Диане она действительно нравилась. Неизменно скромная, добрая, всегда готовая помочь с тренировками. Иногда Диана задавалась вопросом, не устает ли та от собственного великопия. А может, все героини были такими.

Пробираясь к помосту, она с трудом натянула на себя улыбку. Она успела высохнуть на солнце, но прекрасно знала, что ее туника превратилась в измятую тряпку, а волосы из-за

морской воды сбились в колтуны. Быть может, если она сделает вид, что результаты забега ее не интересуют, так оно и будет. Но не успела она сделать и пары шагов, как Тек выступила из толпы и закинула ей руку на шею.

Диана напряглась и тут же возненавидела себя за это, потому что Тек, конечно, это почувствовала.

– Ах, малютка Пиксида, – проворковала Тек, – ты что же, увязла в грязи?

Вокруг раздалось негромкое шипение. Все, кто стоял рядом, поняли оскорбление. Малютка Пиксида, слепленная из глины.

Диана ухмыльнулась.

– Соскучилась, Тек? Неужели поблизости не нашлось другой жертвы для твоих нападок?

Из толпы донеслось несколько смешков. «Продолжай идти, – приказала себе Диана, – и держи голову высоко». К сожалению, Тек была прирожденным генералом. Она чувала слабость и в точности знала, куда бить. «Ты должна платить ей той же монетой, – предупредила ее как-то Мейв, – иначе Тек от тебя не отстанет. Она сдерживается при Ипполите, но ведь рано или поздно трон займешь ты».

«Если только Тек не добьется своего», – подумала Диана.

– Не сердись, Пиксида, – сказала Тек. – Ты всегда можешь попытаться еще раз. А потом еще раз.

Диана пробиралась мимо зрителей и слышала, как Тек вторят ее союзницы.

– Может, для следующего забега линию финиша передвинут, – сказала Отрера.

– Почему бы и нет? – откликнулась Тира. – На особ королевских кровей правила не распространяются.

Это было прямое оскорбление в адрес ее матери, но Диана продолжала широко улыбаться, словно ничего на свете не могло ее расстроить.

– Удивительно, как некоторым не надоедает одна и та же песня, правда? – сказала она и устремила к ступеням, ведущим в королевскую ложу. – Хотя, наверное, если знаешь только один танец, приходится всю жизнь его и отплясывать.

Некоторые из присутствующих согласно закивали. Они хотели, чтобы их принцесса не поддавалась на дешевые улолы, чтобы она крепко стояла на своем, чтобы могла отбить выпад словом, а не кулаками. Чем, в конце концов, ей могла навредить Тек? Иногда Диане хотелось, чтобы Тек открыто бросила ей вызов. Она бы проиграла, но предпочла бы один раз потерпеть поражение, чем постоянно притворяться, что насмешки и подначки ее не задевают. Всякий раз, когда она оступалась, кто-нибудь обязательно это замечал. Это утомляло.

Но Тек, по крайней мере, не скрывала своих мыслей. Хуже было другое. Да, многие из тех, кто сейчас улыбается ей, были к ней добры и даже выказывали ей свою преданность, потому что она была дочерью своей матери, а они любили королеву. Но и они не считали Диану достойной – ни жить среди них, ни тем более носить корону. И они были правы. Диана была единственной амазонкой, которая *родилась* амазонкой.

Если Тек узнает об Алии, если она обнаружит, что сделала Диана, она получит все, о чем мечтала: Диану изгонят с острова, глиняная девочка сгинет в мире людей – и Тек не придется бросать вызов Ипполите открыто.

«Она ничего не узнает, – пообещала себе Диана. – Должен быть способ вытащить Алию с острова». Диане всего лишь нужно раздобыть лодку, посадить в нее Алию и найти, кому передать ее по ту сторону границы.

А еще она может рассказать правду. Столкнуться с осмеянием, с судом, если ей повезет, и с немедленным изгнанием, если нет. К заветам богинь, создавших Темискиру, нельзя относиться беспечно, и никакие подношения Гере или молитвы Афине не отменят того, что она сделала. Заступится ли за нее мать? Попытается ли оправдать проступок своей дочери? Или просто наложит наказание, как велит закон? Диана не знала, что хуже.

«*Не думай об этом*». Она найдет лодку.

Она поднялась по ступеням в королевскую ложу, прекрасно понимая, что всеобщее внимание сместилось с пьедестала почета на нее. Свет пробивался через шелковый навес, окрашивая затененную платформу в красные и синие тона; увивающий перила жасмин источал сладкий аромат. На Темискире стояло вечное лето, но по распоряжению Ипполиты вьюнки и цветы менялись с наступлением равноденствия и солнцестояния. «Мы должны отмечать ход времени, – сказала она Диане однажды. – Мы должны поддерживать связь с миром смертных. Мы не боги. Мы всегда должны помнить, что были рождены смертными».

«Не все из нас», – подумала тогда Диана, но промолчала. Иногда Ипполита словно забывала о происхождении Дианы. А может, пыталась забыть. «*На особ королевских кровей правила не распространяются*».

Диана не сомневалась, что мать заметила ее, как только она ступила на арену, но Ипполита повернулась к ней так, словно только что увидела, и приветственно улыбнулась.

Она раскинула руки и заключила Диану в короткое объятие, как и подобало в такой ситуации. Диана проиграла. Если бы мать проявила слишком много тепла, это выглядело бы глупо и неуместно. Если бы она отреагировала на появление дочери слишком холодно, это могло быть расценено окружающими как неприятие со всеми вытекающими последствиями. Объятие было именно таким, каким ему следовало быть, ни больше ни меньше, и балансировало на грани клинка политики. Так почему же она почувствовала болезненный укол в сердце?

Диана знала свою роль. Она оставалась подле матери, пока головы победительниц украшали лавровыми венками, улыбалась и поздравляла участниц забега. Но холодное кольцо тревоги в животе, казалось, выпустило щупальца, которые с каждым мгновением сжимались все плотнее. Она уговаривала себя не ерзать и прекратить то и дело коситься на солнце. Она не сомневалась: мать чувствует, что что-то не так. Оставалось лишь надеяться, что Ипполита свяжет ее поведение со стыдом от проигрыша.

Игры будут идти весь день вплоть до самого вечера, когда в амфитеатре покажут новое представление. Диана надеялась, что успеет вернуться в пещеру задолго до этого, но с первого пира сбежать было невозможно. Длинные столы в садах перед ареной ломились от теплого хлеба, вареных каракатиц, зажаренных на огне кусков оленины и кувшинов с вином и кобыльим молоком.

Диана заставила себя взять немного риса и рыбы и теперь вяло ковыряла свежие медовые соты. Она обожала мед, но сейчас из-за тревоги кусок не лез ей в горло. Она поймала вопрошительный взгляд Мейв с другого конца стола, но вынуждена была остаться рядом с матерью. Да и что, в конце концов, она могла сказать Мейв? «Я бы непременно выиграла, но вместо этого решила нарушить божественный закон»?

– В Понтии мы жарили ягнятину на вертеле, – заметила Тек, нацеливаясь на кусок оленины в тарелке. – Вот где мясо. Никакого сравнения с этой лежалой подошвой.

На острове не выращивали животных на убой. Если им требовалось мясо, его нужно было добыть. Это правило не исходило ни от богинь, ни от самого острова – это был закон, принятый Ипполитой. Она ценила любую жизнь. Тек ценила свой желудок.

Ипполита лишь рассмеялась.

– Если мясо для тебя недостаточно хорошо, пей вино.

Тек подняла бокал, и они чокнулись, а затем склонили друг к дружке головы, хихикая, как девчонки. Диана никогда не видела, чтобы кто-то другой вызывал у Ипполиты такой смех. Они сражались бок о бок в мире смертных, вместе правили, вместе спорили и вместе приняли решение отвернуться от мира людей. Они были *protā adelfis*, первыми амазонками Темискиры, сестрами во всем, кроме крови. Тек не ненавидела Ипполиту – Диана была уверена, что она просто *не способна* ее ненавидеть, – но она ненавидела ее поступок – создание Дианы. Иппо-

лита вылепила жизнь из ничего. Ее усилиями на Темискире появилась девочка. Она создала амазонку подобно тому, как это делали боги.

Однажды, когда Диана была совсем маленькой, она проснулась в своей комнате во дворце и услышала, как они спорят. Она выскользнула из кровати на холодный мрамор и тихонько пробралась через залу во Двор Иоланты.

Это было сердце их дома: широкая терраса с изящными колоннами, с которой открывался вид на сады и город внизу. Дворец был полон вещей, напоминавших о мире, в котором ее мать жила до появления на острове: золотая чаша, пустой черный килик, расписанный танцующими женщинами, войлочное седло – фрагменты, которые Диане никак не удавалось связать в цельную историю. Но во Дворе Иоланты секретов не было. Он тянулся вдоль всей западной стены дворца и был открыт с трех сторон, а потому всегда был наполнен солнечным светом и шумом садовых фонтанов. Сладкая, восковая плюмерия увивала колонны, а балюстраду украшали апельсиновые деревья в кадках, вокруг которых празднично кружили пчелы и колибри.

Чаще всего Диана с матерью обедали именно здесь, за длинным столом, на котором неизменно громоздились учебники Дианы, полупустые бокалы воды или вина, блюда с инжиром или букеты только что срезанных цветов. Здесь Ипполита приветствовала новых амазонок после того, как те прошли обряд очищения, и негромко, приятным голосом объясняла им правила острова.

Но рядом с Тек эта величественная, великодушная королева куда-то исчезала. Точно так же она переставала быть матерью, которую знала Диана; она становилась кем-то другим, кем-то необузданным и беспечным, кем-то, кто сидел в креслах вразвалку и похрюкивал от смеха.

В ту ночь Ипполита не смеялась. Она мерила террасу шагами, и шелк шафранно-желтого платья развевался у нее за спиной, словно боевой стяг.

– Она *ребенок*, Тек. Она не представляет никакой угрозы.

– Она угрожает всем нашим устоям, – сказала Тек. Она была в одежде для верховой езды и сидела на скамье, положив локти на длинный стол и вытянув вперед ноги. – Ты знаешь закон. Чужакам здесь не место.

– Она не чужая. Она всего лишь девочка. Она сделана из самой земли этого острова, вылеплена моими собственными руками. Да она не знает ничего, кроме острова!

– Правила есть правила, Ипполита. Мы бессмертны. Амазонка не может зачать, а остров был предназначен для тех, кто познал опасности мира смертных, кто знает, каково это – сражаться с бесконечным потоком человеческой жестокости, теми, кто отказался стать его частью. Ты не имела права принимать такое решение.

– Она вырастет в мире без войн. Она будет жить на земле, на которой никогда не проливалась кровь.

– Как, в таком случае, она научится это ценить? Боги задумывали все иначе. Они установили свои законы не просто так, а ты их нарушила.

– Боги благословили ее! Они вдохнули в нее жизнь, позволили моей крови течь по ее венам, удостоили ее своими дарами. – Она уселась рядом с Тек. – Сама подумай. Неужели ты считаешь, что это моя сила подарила ей жизнь? Ты прекрасно знаешь, что ни одна из нас не владеет такой магией.

Тек взяла руки Ипполиты в свои. Теперь, взявшись за руки, они выглядели так, словно заключали соглашение, вступали в некий дерзкий сговор.

– Ипполита, – мягко сказала Тек, – разве боги когда-нибудь делали такой подарок безвозмездно? Всегда есть опасность. Всегда есть цена. Даже если мы с ней еще не столкнулись.

– И что ты предлагаешь мне делать?

– Не знаю. – Тек встала и положила руки на балюстраду, вглядываясь в темную полосу города и моря. Диана, помнится, удивилась тому, сколько фонарей все еще горит в домах внизу, как будто наступил условный час, когда взрослые спорили. – Ты поставила нас в безвыходное

положение. Нам придется за это ответить, Ипполита, и все ради того, чтобы ты могла назвать что-то своим.

– Она *наша*, Тек. Она принадлежит всем нам. – Ипполита положила руку Тек на плечо, и на мгновение Диане показалось, что они помиряются, но Тек оттолкнула ее.

– Это *ты* сделала выбор. Говори, что хочешь, твое величество, но расплачиваться за него будем мы все.

Теперь же Диана наблюдала, как ее мать и Тек разговаривают, словно той и многих других ссор не было, словно все издевательства Тек над Дианой были дружеской забавой. Ипполита всегда закрывала глаза на поведение Тек и ее холодность и утверждала, что со временем, когда Тек убедится, что Темискире ничего не грозит, она отгадет. На деле с каждым годом становилось все хуже. Диане почти исполнилось семнадцать, но, похоже, за прошедшее время изменился разве что размер мишени, которую она из себя представляла.

Взгляд Дианы метнулся к солнечным часам в центре пиршественной поляны. Алия сидит в пещере почти три часа. Терзаться из-за нападок Тек нет времени. Нужно придумать, как достать лодку.

Словно прочитав мысли Дианы, Тек сказала:

– Куда-то спешишь, принцесса?

Она слегка прищурилась, явно о чем-то размышляя. Тек слишком многое повидала на своем веку. Возможно, именно это делало ее великолепным лидером.

– Вроде бы нет, – вежливо ответила Диана. – Если бы я тебя не знала, я бы подумала, что ты меня выпроваживаешь.

– Как ты могла такое подумать?

– Довольно, – вмешалась Ипполита, взмахнув рукой так, как будто раздор можно было развеять, как дым. Разумеется, музыканты тут же начали играть, и пиршественный стол загудел песнями и смехом.

Диана без энтузиазма ковыряла еду на тарелке и изо всех сил старалась выглядеть веселой. Тем временем солнце описало дугу и начало клониться к западу. Ей нельзя было уходить первой: другие могли подумать, что она дует из-за проигрыша. Наконец Рани поднялась из-за стола и потянулась.

– Кто хочет на пляж? – поинтересовалась она. Она вскинула вверх красный шелковый флаг и крикнула: – Догоняйте!

Стулья с грохотом отодвинулись, и амазонки с радостным гомоном выскочили из-за стола и бросились вслед за Рани, чтобы успеть искупаться до начала следующего состязания. Диана воспользовалась моментом и скользнула в нишу, где уже ждала Мейв. На ней были сандалии и туника из мягкого бархата цвета морской волны – такая короткая, что ее можно было считать платьем лишь с большой долей условности, – а голову украшал вплетенный в рыжие волосы венец из бусин цвета молодой листвы.

– По-моему, ты забыла надеть штаны, – сообщила Диана, когда Мейв взяла ее под руку и они вместе зашагали в сторону дворца.

– Две вещи мне здесь нравятся: здесь нет дождя и понятия о благопристойности. Матерь всего сущего, я уж думала, этот обед никогда не кончится.

– Да уж. Я сидела напротив Тек.

– Тяжко пришлось?

– Не тяжелее обычного. Думаю, она вела себя прилично из-за мамы и Рани.

– Рядом с Рани и правда сложно быть мелочной. Когда видишь ее, сразу начинаешь жалеть, что занималась всякой ерундой вместо того, чтобы работать над собой.

– Или чеканить ее профиль на монетах.

Они прошли под колоннадой, увитой курчавыми виноградными лозами.

– Мейв, – сказала Диана, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно небрежнее, – ты не знаешь, Совет не планирует вылазку с острова в ближайшее время?

– Не начинай.

– Я просто спросила.

– Даже если и так, хотя это очень маловероятно, ты же знаешь, что твоя мать ни за что тебе не позволит.

– Она не может удерживать меня здесь вечно.

– Вообще-то может. Она королева, забыла? – Диана насупилась, но Мейв продолжила: – Она использует любую возможность, только бы удержать тебя здесь, а сегодня ты дала ей отличный предлог. Что случилось? Что пошло не так?

Диана замялась. Ей не хотелось лгать Мейв. Ей никому не хотелось лгать. Но если она расскажет об Алие, Мейв придется либо раскрыть преступление Дианы, либо стать соучастницей и поставить под удар собственное будущее на острове.

– Северную дорогу завалило камнями, – сказала Диана. – Наверное, был обвал.

Мейв нахмурилась.

– Обвал? Как считаешь, кто-то мог за тобой следить? Узнать твой маршрут?

– Ты же не думаешь, что это диверсия? Тек ни за что бы...

– Уверена?

«Абсолютно, – подумала Диана, но промолчала. – Тек не нужны никакие диверсии. Она уверена, что я и без ее помощи провалюсь». И Диана только подтвердила ее правоту.

– Эй, – сказала Мейв, энергично обнимая Диану за плечи, – это же не последний забег. Ты...

Она схватила Диану за руку и покачнулась, закатывая глаза.

– Мейв!

Мейв осела на землю. Диана обхватила ее за талию, не давая упасть. Кожа подруги была странной. Она пылала так, что больно было прикасаться.

– Что с тобой? Что такое?

– Не знаю, – с трудом выдохнула Мейв и тут же согнулась пополам с негромким мучительным стоном. В следующую секунду Диана ощутила отголосок страданий Мейв на себе. Все амазонки были связаны кровью, даже Диана – через мать. Когда одна из них испытывала боль, это чувствовали все.

К ним уже бежали женщины во главе с Тек.

– Что случилось? – спросила Тек, помогая Диане поднять Мейв на ноги.

– Ничего. – Диану охватила паника. – Мы просто разговаривали, и вдруг она...

– Аидовы псы, – выругалась Тек. – Да у нее лихорадка.

– Заражение? – спросила Тира.

Диана покачала головой.

– Она не ранена.

– Возможно, она что-то съела? – предположила Отрера.

Тек фыркнула.

– На пиру? Не будь душой. Мейв, ты собирала сегодня еду? Ела что-то в лесу? Грибы? Ягоды?

Мейв помотала головой и скорчилась, тоненько подвывая от боли.

– Нужно уложить ее в постель и постараться охладить, – сказала Тек. – Принесите с кухни воды и льда. Тира, приведи Ицзюнь. Она разбирается в полевой медицине. Мы отнесем Мейв в общую комнату во дворце.

– Мейв теперь живет в Каминосе, – сказала Диана.

Первые годы на острове новые амазонки жили в общей комнате, соединенной с дворцом, и лишь после этого выбирали, в какой части города хотят поселиться. Диана совсем недавно была в гостях у Мейв в ее новом доме.

– Если это что-то заразное, ее нужно изолировать. В общей комнате сейчас никого, там можно устроить карантин.

– Заразное? – в ужасе переспросила Отрера.

– Марш, – скомандовала Тек.

Тира побежала в город за врачом, а Диана кинулась в дворцовые кухни за кувшином льда. Когда она вошла в общую комнату, Мейв лежала под тонкой простыней, свернувшись калачиком; ее била мелкая дрожь. Диана поставила кувшин рядом с кроватью и беспомощно уставилась на подругу.

– Что с ней?

– Лихорадка, – мрачно ответила Тек. – Она больна.

Этого не может быть. Это невозможно.

– Амазонки не болеют.

– А она заболела, – огрызнулась Тек.

В комнату влетела Тира; ее золотые волосы развевались на бегу.

– Врач на подходе, но в городе еще двое заболевших.

– Лихорадка? Они были на пиру?

– Не знаю, но...

Внезапно вся комната как будто сместилась. Стены затряслись, пол вздыбился, словно зверь, очнувшийся от спячки. Кувшин со льдом опрокинулся и разбился. Тира отлетела к стене, а Диане пришлось ухватиться за дверной проем, чтобы не упасть.

Тряска закончилась так же быстро, как началась. О том, что произошло, свидетельствовал только разбитый кувшин и лампы, продолжающие покачиваться на крюках.

– Косицы Фрейи, – пролепетала Тира, – что это было?

Лицо Тек помрачнело.

– Землетрясение.

– Здесь? – Тира, казалось, не верила своим ушам.

– Мне нужно найти королеву, – сказала Тек. – Дождитесь врача.

Она стремительно вышла из комнаты, похрустывая на осколках кувшина и льда.

Диана расправила одеяло и подоткнула его вокруг Мейв. Убрала рыжие волосы с лица подруги. Веснушчатая кожа Мейв была слишком белой, а глаза быстро двигались под бледными веками. *Инфекция. Карантин. Землетрясение.* Этим словам на Темискире было не место. «А что, если это из-за Алиш?» Что если это Диана принесла своему народу язык несчастий?

Смертным запрещено находиться на Темискире. Закон совершенно прозрачен. Во всей истории амазонок лишь две женщины рискнули его нарушить. Одна из них, Каина, вернулась из вылазки со смертным ребенком после того, как отчаянно пыталась спасти его от гибели на поле боя. Она умоляла позволить ей растить девочку на острове, но в итоге обе были изгнаны в мир людей. Вторая, Несса, попыталась тайно провести своего смертного возлюбленного на корабль, который возвращался на Темискиру.

В детстве Диана любила слушать историю о Нессе, ворочаясь в постели, предвкушая страшный финал и представляя, как Несса стоит на берегу без доспехов, а вокруг нее дрожит земля и завывает ветер – так страшен был гнев острова, так страшен был гнев богов. Диана навсегда запомнила последние слова истории в пересказе поэта Эвандра:

«Одна за другой сестры отворачивались от нее, повинувшись своему долгу, и хотя они плакали, их соленые слезы ничего не значили для моря. И так Несса оставила благодать и отправилась через туманные воды туда, где люди дышат не воздухом, но войной, а жизнь подобна

едва заметному трепету крыльев мотылька. Что остается сказать о ее муках? Лишь то, что они длились недолго».

Диана вздрагивала от равнодушия этих слов. Она наблюдала за мотыльками, которые слетались к фонарям на дворцовой террасе, и пыталась уловить размытое движение их крыльев. Вот они есть – и вот их уже нет. Всего мгновение. Но теперь она с чувством жутковатого узнавания вспомнила другие слова Эвандра: «И дрожала земля, и завывал ветер – так страшен был гнев острова, так страшен был гнев богов». Когда Диана спасла Алию, она была уверена, что берет риск на себя; она и подумать не могла, что кара затронет ее сестер, затронет Мейв.

Диана крепко сжала руку Мейв.

– Я вернусь, – прошептала она.

Она поспешно вышла наружу и побежала вдоль колонн двора, соединявшего общую комнату с дворцом.

– Тек! – позвала она, пытаясь поспеть за амазонкой.

Тек повернулась, и в этот момент земля вздрогнула снова. Диана отлетела к колонне, плечи больно ударились о камень. Тек едва ли замедлила шаг.

– Возвращайся к своей подруге, – сказала она, когда Диана засемила за ней по лестнице в сторону покоев королевы.

– Тек, из-за чего это происходит?

– Я не знаю. Что-то нарушило равновесие.

Тек, не медля ни секунды, размашистым шагом вошла в верхние комнаты королевских покоев. Ипполита сидела за длинным столом и обсуждала что-то с одной из участниц забега, быстроногой Саабой.

Когда они вошли, Ипполита подняла голову.

– Я уже знаю, Тек, – сказала она. – После первого толчка я сразу же послала за бегуньей. – Она дописала сообщение, сложила бумагу и, приложив перстень, запечатала ее красным воском. – Скорее отправляйся в Бана-Мигдалл, только будь осторожна. На острове что-то неладно.

Бегунья исчезла на лестнице.

– У нас по меньшей мере три случая болезни, – сообщила Тек.

– Ты уверена, что это болезнь?

– Я видела одну из больных собственными глазами.

– Это Мейв, – вставила Диана.

– Возможно, она в первую очередь поражает юных амазонок, – предположила Ипполита.

– Не всех, – пробормотала Тек и покосилась на Диану.

Но взгляд Ипполиты был прикован к морю на западе. Она вздохнула и сказала:

– Нужно спросить совета у Оракула.

У Дианы засосало под ложечкой. Оракул. Ей конец.

Тек обреченно кивнула. Визит к Оракулу был серьезным решением. Для него требовалась жертва, а если Оракула не устроит подношение амазонок, гнев ее будет страшен.

– Я зажгу сигнальные огни и соберу Совет, – сказала Тек и, не проронив больше ни слова, вышла.

Все происходило слишком быстро. Ипполита направилась в личные покои, Диана последовала за ней.

– Мама...

– Если они поспешат, мы сможем собрать Совет через час, – сказала Ипполита.

Некоторые члены Совета жили в Эфезеуме или Бана-Мигдалл, но другие предпочитали более уединенные уголки острова, поэтому призывать их приходилось с помощью сигнальных огней.

Ипполита скинула серебряный венец и удобную одежду для верховой езды, в которой была на арене, и через минуту вышла из гардеробной в шелковом платье цвета спелой сливы.

Правое плечо украшали золотой наплечник и сияющая чешуя кольчуги. Доспехи были чисто декоративными и надевались только на государственные церемонии. Или чрезвычайные заседания Совета.

– Помоги мне заплести волосы, – попросила Ипполита. Она уселась перед большим зеркалом и достала из обитой бархатом шкатулки золотой венец, усыпанный крупными кристаллами необработанного аметиста.

Диане казалось сумасшествием стоять здесь и заплетать смолянисто-черные волосы матери в косы, пока мир, возможно, разваливался на части, но королева оставалась королевой в любой ситуации.

Диана призвала все свое мужество. Ей нужно рассказать матери об Алии. Она должна узнать о ней прежде, чем идти на Совет. *«Возможно, дело не в Алии. Может, это какие-то проблемы в мире людей. Что-нибудь. Что угодно»*. Но Диана сама в это не верила. Когда Совет обратится к Оракулу, об Алии узнают все и Диану изгонят. Она выставит мать слабой, потакающей ее капризам женщиной. Не все любили Ипполиту так, как ее любила Тек, и не все считали, что амазонкам вообще нужна королева.

– Мама, сегодня во время забега...

Взгляд Ипполиты встретился в зеркале с глазами Дианы. Королева слегка сжала ей руку.

– Поговорим об этом позже. В поражении нет ничего постыдного.

Это была откровенная неправда, но Диана сказала:

– Дело не в этом.

Ипполита вставила в уши аметистовые серьги.

– Диана, тебе больше нельзя проигрывать. Я не думала, что ты победишь, но...

– Вот как? – в голосе Дианы против ее воли прозвучало потрясение; ее затопила обида.

– Конечно, нет. Ты слишком юна. Ты еще не так сильна, как остальные, не так опытна. Я надеялась, что ты займешь второе место или, по крайней мере...

– По крайней мере, не опозорю тебя?

Ипполита подняла бровь.

– Чтобы подорвать авторитет королевы, одного проигранного забега маловато, Диана. Но ты оказалась не готова, а это значит, что теперь тебе придется работать еще усерднее.

То, как мать оценивала ее шансы на победу, напоминало ее сдержанное объятие в ложе: деловое и жестокое.

– Я была готова, – упрямо сказала Диана.

Взгляд Ипполиты был таким мягким, таким любящим и полным жалости, что Диане хотелось закричать.

– Результаты говорят сами за себя. Твое время еще придет.

Не придет. Ей не дали шанса. Если уж родная мать не верила, что она сможет выиграть этот несчастный забег... И еще Алиа. Алиа.

– Мама, – попыталась Диана снова.

Но Ипполита уже выходила из комнаты. Ее золотые доспехи сверкали в свете ламп. Земля содрогнулась, но королева даже не сбилась с шага, словно говоря всем своим видом: «Я королева и амазонка. Правильно делаешь, что трясешься».

Диана взглянула в зеркало. На нее смотрела темноволосая девушка в мятой одежде. В синих глазах светилось беспокойство; она покусывала нижнюю губу, словно плохой трагический актер. Диана расправила плечи, сжала зубы. Может, она и не королева, но не только Совет имеет право обратиться к Оракулу. «Я принцесса Темискиры, – сказала она девушке в зеркале. – Я во всем разберусь сама».

Глава 3

Диана поспешила в свою комнату, где переоделась и упаковала в сумку одеяло, веревку, фонарь с кресалом и бинты, которыми она обматывала руки для тренировочных боев: в экстренном случае их можно будет использовать для перевязки ран. С тех пор, как Диана оставила Алию в пещере, прошло уже четыре часа. Девушка, наверное, в ужасе. *«Милостивая Гера, а что если она попытается спуститься?»* От этой мысли Диана вздрогнула. Алия напоминала мешок щепок. Если она попробует выбраться из пещеры, то наверняка что-нибудь себе сломает. Но возвращаться к утесам времени не было. Если Диана собиралась все исправить, ей нужно было поговорить с оракулом раньше, чем это сделает Совет.

Она открыла зеленую эмалированную шкатулку, которую держала у кровати, остановилась. Ей никогда не приходилось встречаться с Оракулом, но Диана знала, что она опасна. Она могла заглянуть амазонке в самое сердце и умела предсказывать будущее. В дыму ритуального огня ей являлись тысячи жизней и тысячи лет; она наблюдала за ходом событий и знала, что нужно сделать, чтобы его изменить. Цена ее предсказаний всегда была высока. Обращаться к Оракулу следовало с подношением, которое придется ей по душе, а потому это должно быть что-то личное, важное для просителя.

В зеленой эмалированной шкатулке Диана хранила самое ценное свое имущество. Она сунула шкатулку в сумку и бросилась вниз по лестнице. На пиру ей удалось стащить немного еды, а теперь она заглянула в кухню, чтобы захватить с собой бурдюк горячего вина с пряностями. Обычно в кухнях царил шум и хаос, но сегодня здесь работали с какой-то мрачной решимостью, а к облакам пара, что поднимался от котлов, примешивались причудливые запахи.

– Ивовая кора, – пояснила одна из поварих, когда Диана заглянула под крышку. – Мы выпариваем салициловую кислоту – она помогает сбить температуру. – Она передала Диане бурдюк. – Скажи Мейв, мы надеемся, что она скоро поправится.

– Спасибо, – только и ответила Диана. Ей не хотелось добавлять к сегодняшнему списку вранья очередную ложь.

Городские улицы были наполнены гомоном и суетой; люди сновали туда-сюда с едой, лекарствами и материалами для починки зданий, поврежденных землетрясением. Диана натянула капюшон. Она знала, что должна быть сейчас в центре событий и помогать остальным, но если ее подозрения насчет Алии подтвердятся, то единственным верным решением будет как можно скорее избавиться от нее остров.

Ей достаточно было одного взгляда в сторону гавани, чтобы понять, что украсть лодку практически невозможно. Ветер усилился, небо стало серым, как грифельная доска. Амазонки копошились в доках, привязывая лодки крепче в ожидании шторма.

Диана свернула на восточную дорогу – самый прямой путь к храму Оракула. С обеих сторон дорогу окружала оливковая роща, и Диана, оказавшись под деревьями, пустилась бежать со всех ног.

Вскоре роща осталась позади. Диана пересекла виноградники и ровные ряды персиковых деревьев, увешанных плодами, и оказалась на невысоких холмах, окружающих заболоченную низину в центре острова.

Чем ближе Диана подходила к болоту, тем тревожнее ей становилось. Топь лежала в тени Птолемской горы и была единственным местом на острове, куда не заглядывало солнце. Диана никогда раньше здесь не бывала. Она слышала истории об амазонках, которые осмеливались навестить Оракула и возвращались от нее в слезах, а то и вовсе теряли рассудок. Когда Кларисса вернулась в город после визита в храм, она бормотала какую-то бессмыслицу и тряслась, глаза ее были налиты кровью от лопнувших сосудов, а ногти обкусаны до мяса. Кларисса нико-

гда не рассказывала о том, что видела, но она, эта матерая воительница, которая шла в битву, вооруженная одним топором и собственной отвагой, до сих пор спала с зажженным фонарем у кровати.

Диана зябко поежилась и шагнула в тень болотных деревьев, поросших траурной вуалью мха. Корявые пучки их оголенных корней зловеще отражались в мутной воде. Диана не слышала ни приближающейся бури, ни привычного пения птиц, ни даже ветра. У болота была своя темная музыка: влажное хлопанье и плеск, раздавшиеся, когда какое-то существо с колючим гребнем на спине рассекло поверхность воды и исчезло, взмахнув длинным хвостом; суетливый звон насекомых; шепот, который возникал из ниоткуда и так же внезапно стихал. Кто-то прошептал имя Дианы, обдав ей ухо холодным дыханием. Но когда она с колотящимся сердцем обернулась, то никого не увидела. Краем глаза она заметила, как по ветке совсем рядом прошелестели чьи-то длинные волосатые лапы, и прибавила шагу.

Диана шла на восток – или, по крайней мере, надеялась на это. Чем дальше она углублялась в болото, тем плотнее сгущался сумрак. Она уже не сомневалась, что ее преследует какое-то существо, а может, и не одно. Над головой она слышала шорох лап. Слева от нее что-то мерцало – возможно, чьи-то блестящие черные глаза, которые следили за ней из-за кружевных гирлянд серого мха, свисающих с ветвей.

«Здесь нечего бояться», – сказала она себе и почти услышала тихий, булькающий смех болота.

Вздрагивая, она протиснулась через завесу лиан, увитых молочно-белой паутиной, и остановилась. В ее воображении храм Оракула походил на увенчанные куполами постройки из учебников истории, но сейчас она стояла перед стеной из плотно переплетенных ветвей, высокой и широкой, как настоящая крепостная стена. Была ли она кем-то построена или просто выросла посреди болота, сказать было трудно. В центре стены зиял провал – проход, уходивший в темноту более непроглядную, чем самое беззвездное небо. Изнутри доносился низкий нестройный гул, голодное жужжание роя у разворошенного осинового гнезда.

Диана собралась с духом, поправила сумку и двинулась ко входу, прыгая через мутное серое зеркало воды по влажным черным камням и то и дело поскальзываясь на их блестящих спинках.

Воздух вокруг входа – плотный, сырой, отвратительно-теплый и мокрый, как вываленный язык животного, – тяжело обволакивал кожу. Она зажгла фонарь, прикрепленный к сумке, вздохнула и шагнула внутрь.

В ту же секунду фонарь погас. Диана услышала за спиной шепот, развернулась и увидела, как корни переплетаются между собой, закрывая выход из тоннеля. Она бросилась назад, но было слишком поздно. Она осталась одна в темноте.

Сердце в груди прыгало, как сумасшедшее. За вибрирующим гулом она слышала вокруг себя шорох корней и лоз; ей вдруг показалось, что они сейчас просто сомкнутся и она останется в этих древесных стенах навсегда.

Она вытянула перед собой руки и заставила себя идти дальше. Ее мать не испугалась бы пары веток. А Тек, пожалуй, и вовсе испепелила бы их взглядом.

Гул нарастал, все больше напоминая человеческие вздохи и причитания, которые то становились громче, то стихали, подобно плачу ребенка. *«Мне не страшно. Я амазонка, мне нечего бояться на этом острове»*. Но это место выглядело старше острова. Оно выглядело старше всего мира.

Через какое-то время она заметила, что тоннель понемногу забирает вверх, и начала различать смутные очертания своих рук и переплетения корней по бокам. Откуда-то спереди пробивался свет.

Тоннель вывел ее в круглое помещение с отверстием в потолке. Когда Диана вышла из города, день едва начал клониться к вечеру, но сейчас она глядела в черное небо, усеянное

звездами. Она запаниковала, пытаясь сообразить, сколько времени провела в тоннеле, – и вдруг поняла, что с созвездиями над головой что-то не так. Она не знала, что это за небо, но оно определенно было ей незнакомо.

Факелы на увитых колючками стенах горели серебристым пламенем, которое не давало тепла, а по периметру комнаты тянулся ров с прозрачной водой. В центре, посреди ровного каменного круга, сидела женщина в плаще с капюшоном; рядом с ней стоял треножник с подвешенной на тонкой цепочке бронзовой жаровней. В жаровне теплым оранжевым светом пылал настоящий огонь, в звездное небо поднимались клубы дыма.

Женщина встала, и капюшон упал с ее головы, открывая медные волосы и усыпанную веснушками кожу.

– Мейв! – воскликнула Диана.

Лицо Оракула изменилось. Она превратилась в большеглазого ребенка, потом в сморщенную старуху, потом в Ипполиту с аметистовыми серьгами в ушах. Она стала чудовищем с черными клыками и опаловыми глазами, а потом – красавицей в золотом шлеме, девой с сияющей кожей, прямым носом и полными губами. Она шагнула вперед; тени на земле сместились. Теперь она стала Тек, но не нынешней, а постаревшей, с морщинами на темной коже и сединой на висках. Больше всего на свете Диане хотелось развернуться и убежать. Она не пошевелилась.

– Дочь Земли, – сказала Оракул. – Я жду твоего подношения.

Диана едва не отшатнулась, но усилием воли заставила себя остаться на месте. *«Дочь Земли. Рожденная из глины»*. Оракул хотела ее оскорбить? Неважно. У Дианы к ней дело.

Она положила сумку на землю и, открыв зеленую эмалированную шкатулку, легко пробежала пальцами по ее содержимому. Нефритовый гребень, который Мейв подарила ей на прошлый день рождения; сердоликовая фигурка леопарда – маленький талисман, который она годами носила в кармане и гладила по выгнутой спинке на удачу; гобелен, изображающий планеты в том порядке, в каком они располагались в час ее рождения. Работа была грубая и полная ошибок. Они с Ипполитой ткали гобелен вместе, и Диана, которой всегда было мало времени, проведенного с матерью, по ночам выдергивала из полотна нити в надежде растянуть процесс навсегда. Она скользнула рукой по обивке шкатулки и сомкнула пальцы на нужном предмете.

Она посмотрела на ров. Никаких мостов на другую сторону Диана не видела, но просить подсказок не собиралась. Об Оракуле она слышала достаточно и знала, что, если ее жертва будет принята, она сможет задать три вопроса, и ни одним больше.

Она шагнула в воду. Она видела свои ноги, видела кожу, которая под водой казалась бледнее обычного, но ничего не чувствовала. Возможно, река была всего лишь иллюзией. Как только она коснулась гладкой поверхности каменного острова, гул голосов затих, словно она оказалась в эпицентре бури.

Диана вытянула вперед руку, стараясь, чтобы та не дрожала, – ей не хотелось трястись перед Оракулом – и раскрыла кулак, в котором был зажат железный наконечник стрелы длиной почти с ладонь, острый и покрытый темно-красными пятнами, которые в холодном свете факелов казались черными.

Сухой смех Оракула напоминал потрескивание костра.

– Ты предлагаешь мне то, что ненавидишь?

Диана отпрянула от неожиданности и, словно пытаясь защитить наконечник, стиснула его и прижала к груди.

– Это неправда.

– Я говорю *только* правду. Возможно, ты просто не готова ее услышать.

Диана бросила взгляд на сумку, пытаясь сообразить, не предложить ли что-нибудь другое. Но Оракул продолжила:

– Нет, дочь Земли. Мне не нужны твои украшения и детские побрякушки. Я возьму стрелу, которая убила твою мать. Пусть ты и ненавидишь эту вещь, она важна для тебя. Кроме того, кровь королевы – это ценный дар.

Диана неуверенно вытянула руку снова. Оракул выхватила из ее ладони окровавленный наконечник. Лицо ее изменилось. Она снова стала Ипполитой, но на этот раз черные волосы были не заплетены и свободно лежали на плечах, а вместо шелка на ней была белая туника, вышитая золотыми нитями. Так она выглядела в день, когда Диана подслушала разговор двух амазонок и рыдала в конюшне, где Ипполита ее и нашла. «Они говорили, что я чудовище, – сказала она матери. – Они говорили, что я сделана из грязи». Ипполита вытерла ей слезы рукавом туники и в ту ночь подарила Диане наконечник стрелы.

Теперь Оракул голосом Ипполиты повторяла слова, которые та произнесла, сидя под лампой у постели Дианы: «В том, чтобы быть рожденной смертной, нет радости. Тебе необязательно испытывать горести человеческой жизни. Среди всех нас ты одна никогда не узнаешь, как мучительна бывает смерть».

Тогда слова матери были для Дианы загадкой, но она запомнила их навсегда и так и не смогла объяснить себе, почему наконечник для нее так важен. Он должен был стать предупреждением, напоминанием о том, как важно ценить подаренную ей жизнь. Но для Дианы он был нитью, которая связывала ее с большим миром – пусть и таким ужасным способом, как через кровь матери.

Оракул снова приняла облик постаревшей Тек. Она кинула наконечник в жаровню, и вверх брызнул фонтан оранжевых искр.

– Ты принесла мне дар смерти, – сказала Оракул. – Так же, как привела смерть к нашим берегам.

Диана вскинула голову.

– Тебе известно об Алии?

– Это твой первый вопрос?

– Нет! – выпалила Диана. Ей нужно быть осмотрительнее.

– Земля сотрясается. Неувядающий стебель слабеет.

– Все из-за меня, – упавшим голосом сказала Диана. – Из-за Алии.

– И тех, кто был до нее. Задавай свои вопросы, дочь Земли.

До этого момента какая-то крошечная часть Дианы надеялась, что она ошибается, что спасение Алии и происходящее на Темискире – всего лишь совпадение. Теперь отрицать правду было невозможно. Она навлекла на остров беду, и если она хочет это исправить, задавать вопросы нужно с умом.

– Как мне спасти Темискиру?

– Не делай ничего.

Оракул взмахнула рукой, дым от жаровни выгнулся дугой и накрыл ров. Сквозь него Диана разглядела в воде фигуру человека. Это была Алия. Диана поняла, что видит перед собой пещеру в скалах. Алия забилась под попону и дрожала; глаза ее были закрыты, лоб блестел от пота.

– Но она же не ранена, – запротестовала Диана.

– Остров отравляет ее точно так же, как она отравляет остров. Но Темискира старше и сильнее. Девочка умрет, а с ее смертью закончится и губительное воздействие человеческого мира. Большинство твоих сестер выживет и поднимется на ноги. Город будет восстановлен. Остров снова будет очищен.

Выживет большинство? *«Выживет ли Мейв?»* Слова так и рвались с языка.

– Не понимаю, – осторожно сказала Диана, следя за тем, чтобы не задать вопрос. – Я не заболела, да и Алия, когда я ее оставила, выглядела вполне здоровой.

– Ты принадлежишь этому острову, рождена чистой, *athanatos*, бессмертной. Ты не заболеешь, как твои сестры, а если будешь держаться рядом с девочкой, то сможешь оттянуть ее смерть, даже облегчить ее страдания, но не исцелить. Она умрет, а остров будет жить. И все вернется на свои места.

– Нет, – сказала Диана и удивилась злости в собственном голосе. – Как мне спасти Алию? А вот и второй вопрос.

– Ты не должна этого делать.

– Это не ответ на мой вопрос.

– Тогда назови ее именем ее предков: *haptandra*, рука войны. Вглядишься в дым и узнаешь, кто она такая.

И вновь дым поднялся от жаровни и растянулся над водой, но когда Диана снова заглянула в ров, ей показалось, что она охвачена огнем. Она стояла на поле битвы, окруженная павшими воинами. Выжженная земля была усеяна телами, из черного пепла торчали, словно выброшенные на берег коряги, руки и ноги. Она вздрогнула: с хрустом ломая кости погибших, мимо пронесся тяжелый бронированный автомобиль, похожий на военные машины, которые она видела в книгах. Откуда-то издали доносился треск и серии взрывов.

Когда она наконец смогла осознать ужасную реальность, у нее вырвался беспомощный стон. В нескольких шагах от нее лежала Мейв, припиленная мечом к земле, словно бледное насекомое. Трупы вокруг Дианы были телами амазонок. Взгляд случайно упал на гриву темных волос: это была ее мать в разбитых боевых доспехах; тело, отброшенное, как ненужная оболочка.

Она услышала боевой клич и обернулась, потянувшись к несуществующему оружию. Она увидела Тек, покрытую потом, с глазами, горящими боевым огнем, а перед ней – чудовище, напоминающее какое-то мифическое создание: наполовину человек, наполовину шакал. Шакальи челюсти сомкнулись на горле Тек, тварь затрясла ее, как куклу, и отшвырнула в сторону. Тек упала, заливая землю кровью из разорванного горла. Ее взгляд, горящий обвинением, уперся в лицо Дианы.

– Дочь Земли.

Диана вскрикнула, задышавшись. Изображение растаяло, и теперь она смотрела на свое собственное отражение. Щеки блестели от слез.

– Прекрати солить мой гадательный омут, – сказала Оракул.

Диана вытерла слезы с лица.

– Это невозможно. Я видела чудовищ. Я видела своих сестер...

– Алия – не обычная девушка. Она несет в себе смерть.

– Как и все смертные, – возразила Диана.

Чем от них отличалась Алия? Остров отвергал ее точно так же, как отверг бы любого человека. Если у Дианы получится увести ее с Темискиры, все наладится.

– Она несет не *свою* смерть, а смерть всего мира. Ты считаешь, что она оказалась так близко у наших берегов по воле случая? Алия – Вестница войны, она происходит из рода Елены, а ту породила сама Немезида.

– Елена? Ты говоришь о...

– Троянская война бушевала десять лет и не щадила ни богов, ни героев, ни амазонок. Если оставить Алию в живых, история повторится. Она *хептандра*. Она сеет раздор. Каждым своим вздохом она приближает нас к концу света.

– Но ведь война началась из-за красоты Елены.

Оракул пренебрежительно махнула рукой, и пламя факелов затрепетало.

– Кто тебе об этом сказал? Ты наслушалась сказок о мстительных богинях, которые из тщеславия играют человеческими жизнями? Конечно, мужчины считают, что могущество женщины лежит в тонкости черт и округлости форм. Не будь наивна, дочь Земли. Кровь Елены

несла в себе войну, и на семнадцатом году ее жизни эти силы достигли своего пика. Так было с каждой Вестницей войны. Так будет с Алией. Ты сама видела это в воде.

– Род Вестниц войны, – повторила Диана, обдумывая слова Оракула. Возможно ли это? Разве может смертная быть причиной стольких бед, пусть даже ее род восходит к Немезиде, богине возмездия?

Оракул не сводила с нее испытующего взгляда.

– Послушай меня, дочь Земли. Когда рождается Вестница войны, разрушение неминуемо. Все великие войны мира людей происходили из-за них. В ближайшее новолуние силы Алии достигнут высшей точки, и тогда разразится война. – Оракул помолчала. – Если только она не умрет раньше.

– Взрыв не был случайностью, – поняла вдруг Диана. – Кто-то хотел, чтобы Алия погибла.

– Многие готовы на все, чтобы не дать миру вступить в век кровопролития. Но тебе не нужно ничего делать. Просто подожди, пока девочка умрет, как должна была умереть во время кораблекрушения. Это самый надежный способ.

Глаза Дианы сузились. Она читала легенды. Она знала, как нужно относиться к словам оракулов.

– Самый надежный, – протянула она. Оракул скривила рот, словно и впрямь могла читать ее мысли. Впервые за все время Диана задумалась, почему Оракул выбрала облик Тек. Чтобы напугать ее? Отпугнуть? – Самый надежный. Значит, есть и другие.

Глаза Оракула полыхнули серебристым пламенем, словно они горели тем же огнем, что и факелы на стенах.

– Задавай последний вопрос и уходи.

Диана открыла было рот, но Оракул остановила ее грациозным жестом.

– Подумай хорошенько. Я не всегда с такой готовностью принимаю дары. Тебя тревожит судьба одной-единственной девочки, когда на кону будущее всего мира. Побеспокойся лучше о том, что будет с тобой. Разве ты не хочешь узнать, справедлива ли к тебе Текмесса? Что ты принесешь амазонкам – славу или отчаяние? Рано или поздно твоя мать устанет от бремени правления. Разве ты не хочешь узнать, станешь ли ты истинной королевой или будешь обречена на жизнь в тени матери? Все это я могу тебе показать, дочь Земли.

Диана задумалась. Она вспомнила слова Тек и то, как мать отмахивалась от очевидного. Возможно, Оракул скажет ей, что она выродок, которого втайне презирают боги, что она принесет своему народу одни страдания. Но что, если Оракул скажет, что боги благословили ее, что она не проклятие для своих сестер, а дар? Тогда ее мать будет оправдана, а бесконечные разговоры вокруг Дианы прекратятся. Тек больше никогда не посмеет сказать дурного слова о них обеих.

Но сделает ли это Диану настоящей амазонкой? *«Можно спросить, как мне заслужить их одобрение. Можно спросить, как снискать себе боевую славу»*. Она вспомнила, как Алия цеплялась за обломок корпуса, как стучал пульс под ее пальцами. Девушка, которую вернуло к жизни дыхание Дианы.

«Спасешь свой народ, и Алия умрет. Спасешь Алию и будешь смотреть, как убивают твоих сестер». О чем тут вообще думать?

– Как мне спасти всех?

Лицо Оракула искажил гнев. Облики начали сменяться один за другим: змей, Тек, череп, угольно-черный волк. Ее глаза сверкали, как драгоценные камни, змеи обвивали голову и выползали из рта.

– Упрямая, как все девчонки, – рявкнула она. – Безрассудная, как все девчонки.

Слова вырвались прежде, чем Диана успела подумать:

– А ты никогда не была упрямой, безрассудной девчонкой?

Бессмысленный вопрос, ну и пусть. Диана успела спросить то, что было по-настоящему важно, а гнев Оракула убедил ее в том, что вопрос был правильным.

Вокруг них поднялся мучительный вой, горестный плач, полный неистовой печали, и в нем Диане послышались крики ее сестер, очутившихся на том страшном поле боя.

Когда Оракул заговорила, она больше не была Тек. Ее новое лицо было словно высечено из света.

– Вестница войны должна достичь источника в Терапне прежде, чем зайдет солнце в первый день гекатомбеона. Там, где покоится Елена, Вестница войны может очиститься, смыть с себя пятно смерти, которое несет весь ее род. Там сила Елены может быть усмирена навсегда.

Терапна. Греция. Это означает, что ей придется покинуть остров. Это невозможно. И все же...

– Череди Вестниц войны прервется?

Оракул ничего не ответила, но и отрицаний не последовало. Если Алиа умрет на Темискире, где-то родится новая Вестница – может, через месяц, а может, через сотню лет, но это случится. Если им удастся добраться до источника вовремя, если Диана доставит Алию туда невредимой, все изменится.

– Я вижу тебя насквозь, дочь Земли. Я вижу, что ты мечтаешь о славе. Но вот чего не видишь *ты*, так это опасности. Многие в мире людей ищут Вестницу войны. Одни – чтобы оборвать ее жизнь и сохранить мир, другие – чтобы защитить ее и развязать войну. До гекатомбеона осталось меньше двух недель. Ты не успеешь добраться до источника вовремя. Ты всего лишь ребенок.

Диана сжала кулаки, думая об окровавленном наконечнике стрелы, который Оракул приняла в качестве жертвы. Кровь ее матери. Та же кровь, что течет в жилах Дианы.

– Я амазонка.

– Неужели? Ты не героиня. Ты никогда не бывала в бою. Эта задача тебе не по зубам. Не заставляй мир расплачиваться за твою гордость.

– Это несправедливо. Я пытаюсь поступать правильно.

Но, произнося эти слова, Диана знала, что лукавит. Она действительно мечтала о славе. Она хотела показать, на что способна, не каким-нибудь состязанием по бегу или борьбе, а героическими деяниями, от которых никто не сможет отмахнуться. Она хотела возразить Оракулу, но что толку спорить со всевидящей старухой?

– Иди домой, – сказала Оракул. – Возвращайся в Эфезеум. Утешь свою подружку. Скажи ей, что ее страдания скоро закончатся. Когда придет Совет, я ничего им не скажу. Никому не нужно знать о том, что ты сделала. Твое преступление останется нашим с тобой секретом, а потому можешь не опасаться изгнания. Остров вернется к прежнему состоянию, мир обретет покой, а ты со своими сестрами сможете жить в гармонии. Но если ты забереешь девочку с острова...

Гул сменился воем тысячи голосов, криками, рвущимися из обугленной земли, звоном мечей, стонами умирающих, тысячекратно усиленной агонией ее сестер. Звуками будущего, которое Диана могла предотвратить простым бездействием.

– *Иди*, – приказала Оракул.

Диана развернулась и бросилась назад в темноту тоннеля. Ужасный вой преследовал ее. Она бежала не разбирая пути, обдирая плечи о колючие стены; когда тоннель начал уходить вниз, она споткнулась и упала на колени, но тут же вскочила и побежала дальше. Жуткий хор перешел в визг, который пронизывал ее до костей и отдавался в голове ударами молота.

Корни расступились перед ней, и она вывалилась из храма прямо в солоноватую болотную жижу. С трудом дыша, она поднялась на ноги, выбралась на берег и побежала через мрак болота с одним желанием: оказаться как можно дальше от храма.

Лишь когда Диана вырвалась из тени деревьев и добралась до вершины ближайшего из череды пологих холмов, она позволила себе остановиться. Она чувствовала сладкий аромат медового мирта, ощущала кожей свежие капли дождя. Но даже здесь она не чувствовала себя в безопасности.

«Я амазонка».

В шепоте листвы ей послышался смешок Оракула: *«Неужели?»*

Она не могла рисковать. Она не могла рисковать жизнями сестер ради едва знакомой девушки. Она совершила ошибку, прыгнув утром в море, но теперь могла поступить правильно.

Земля под ногами задрожала. В небе сверкнула молния. Диана поудобнее закинула сумку за плечо и направилась к пещере. Алия умирала. Если Диана не может ее спасти, она, по крайней мере, не даст ей умереть в одиночестве.

Глава 4

Великанша вернулась. Алия подозревала, что после крушения, под воздействием адреналина и паники, могла преувеличить кое-какие детали внешности своей спасительницы. Но нет, девушка, которая вернулась в пещеру, была в точности такой, какой Алия ее запомнила: ростом добрых шесть футов, грациозная и подтянутая, как героиня рекламы товаров для фитнеса. Королева качалки. Пять-в-одном-и-коврик-в-подарок.

«*Может, у меня галлюцинации*». Ее лихорадило и знобило, но она не понимала почему. Головную боль и тошноту можно списать на сотрясение мозга. Конечно, ее серьезно потрепало, когда «Фетида» пошла ко дну. Ей не хотелось об этом вспоминать – потрясение от взрыва, визг Рэй, свинцовая масса воды, которая тянет ее вниз. Всякий раз ее сознание сопротивлялось этому, а мысли сбивались. Лучше думать о пещере, о попоне, в которую она завернута, об ужасном стуке в висках. Если это просто сильное сотрясение, ей достаточно было оставаться в сознании, пока не подоспеет помощь, и с этим она справилась. Помощь пришла. В обличье девушки, которая выглядела, как супермодель, подрабатывающая боями без правил. Или наоборот. Но где спасатели? Вертолет? Медики, которые посветят ей в глаза фонариком и скажут, что все будет хорошо?

– Ты что, одна? – прохрипела она и испугалась слабости собственного голоса.

Девушка присела рядом с ней.

– Ты что-нибудь ела?

– Я не голодная.

– Хотя бы пила?

У Алии не было сил. Она смутно почувствовала, как девушка прижала что-то к ее губам.

– Пей.

Алия с трудом сделала пару глотков.

– Ты позвала на помощь?

Девушка замялась.

– Боюсь, никто не придет.

Алия распахнула глаза. До сих пор ей худо-бедно удавалось сохранять спокойствие, но теперь паника рвалась наружу с удвоенной силой.

– Это землетрясение?

После первого толчка Алия, испугавшись, что свод может обрушиться и завалить ее, подползла к выходу. Но одного взгляда на крутой обрыв и море внизу оказалось достаточно, чтобы снова загнать ее вглубь пещеры. Она закуталась в попону, пытаясь бороться с растущим страхом. «Не все сразу, – сказала она себе. – Я на острове. Возможно, здесь высокий уровень вулканической активности. Просто сиди и жди помощи». Она свою часть выполнила. Она держалась в сознании, не тратила силы на слезы и вопли. Так где же ее спасатели?

На лице девушки была написана тревога; она не поднимала взгляда от сандалий. Алия заметила, что она успела переодеться. На пляже она была одета во что-то вроде белой туники, а сейчас на ней были штаны из коричневой кожи и нечто среднее между майкой и спортивным бюстгалтером.

– На этот остров непросто добраться, – сказала девушка. – Он... Мне не удалось ни с кем связаться.

– Значит, остальные...

– Прости. Мне так жаль, что я не смогла их спасти.

Алия не вполне понимала, о чем она говорит. Она вообще ничего не понимала. Она закрыла глаза, чувствуя, как к горлу подкатывает давящий ком. Ним, ее лучшая подруга, часто шутила, что Алия приносит несчастья, потому что неприятности следовали за ней по пятам. На

вечеринках вспыхивали драки. Влюбленные пары ссорились на пустом месте. Вспомнить хотя бы тот случай, когда бесплатный концерт в Центральном парке неведомым образом обернулся массовыми беспорядками. Теперь все это уже не казалось забавным.

При мысли о Ним, о доме, о родной уютной постели из глаз брызнули слезы.

– Это были твои друзья? – тихо спросила девушка.

– Мы едва были знакомы, – признала Алия. – Мне нужен врач. Со мной что-то не так. Мне кажется, я ударилась головой во время крушения. Возможно, у меня внутреннее кровотечение.

Еще не успев договорить, она вдруг поняла, что с возвращением девушки боль утихла. Может, у нее и правда было сильное обезвоживание.

– На корабле был взрыв, – сказала девушка. – Прежде, чем он затонул.

Алия откинула голову на стену пещеры.

– Я помню.

– Тогда на пляже ты сказала, что это твоя вина.

От этих слов что-то сдавило ей сердце.

– Правда? Наверное, я была не в себе.

– Как ты думаешь... возможно ли, что это не было случайностью? Что это была бомба?

Алия изумленно распахнула глаза.

– О чем ты?

– Возможно ли, что катастрофа была спланирована?

– Нет, конечно же, нет, она... – Алия помедлила. Ей вспомнились бесконечные предостережения Джейсона. *«Мы их цель, Алия. Наши деньги. Фонд. Мы должны действовать осмотрительно».*

«Действовать осмотрительно» означало профессиональных телохранителей в пентхаусе. Это означало, что в школу ее возит по утрам и забирает после обеда вооруженный водитель. Это означало: никаких школьных экскурсий; расписанный по минутам день, чтобы Джейсон всегда знал, где она находится; летние каникулы каждый год в одном и том же месте; одни и те же люди, один и тот же вид из окна. Вид был хороший. Алия понимала, что ей не на что жаловаться. *«Но это тебя не останавливало, правда?»* Она с удовольствием плакала Ним по любому поводу. И с готовностью ухватилась бы за любую возможность, только бы попробовать что-то новое и провести месяц с новыми людьми, подальше от Джейсона и его нелепых правил.

Может, они были не такими уж нелепыми. Мог ли кто-то подложить бомбу на корабль? Мог ли «Фетиду» взорвать кто-то из членов экипажа?

Должно быть, ее подозрения отразились у нее на лице, потому что девушка наклонилась к ней и сказала:

– Говори же. Такое возможно?

Алии не хотелось в это верить. Если кто-то был готов взорвать корабль и убить невинных людей, только чтобы добраться до нее и Фонда, значит, Джейсон был прав, а она вела себя как последняя дура.

– Не исключено, – неохотно признала она. – Я же Кералис.

– Фамилия греческая.

– Мой отец был грек. А мама – негритянка из Нового Орлеана.

Люди постоянно спрашивали, откуда у нее такой цвет кожи. Алия потянулась за водой. Ей действительно полегчало, хотя, когда она подносила ко рту бурдюк, руки тряслись. Девушка поддержала ей руку, пока она пила.

– Спасибо. Ты никогда не слышала о Фонде Кералис? «Кералис Лэбс»?

– Нет. Какое отношение это имеет к взрыву?

Алия вдруг насторожилась.

– Кто ты такая?

– Я... Меня зовут Диана.

– А фамилия?

– Почему тебя интересует моя фамилия?

«Почему?» Потому что даже если эта девушка живет на очень далеком острове, о Кералисах слышали *все*. В этом-то и заключалась проблема.

Как Диане удалось так быстро добраться до места крушения? А вдруг она знала о заложенной бомбе? Алия легонько потрясла головой и была вознаграждена волной тошноты. Она тяжело задышала, прижалась лбом к стене пещеры и подождала, пока желудок успокоится. Мысли путались. Зачем этой девушке пытаться ее убить, а потом спасать и тащить в пещеру? В этом нет никакого смысла.

– Люди ненавидят моих родителей; теперь они ненавидят и меня.

– Вот оно что, – кивнула Диана с пониманием. – Твои родители, наверное, убили очень много людей?

– Чего? – Алия покосилась на нее. – Они были биологами. Биоинженерами. Людям не нравилась политика Фонда и некоторые из его генетических экспериментов.

Диана наморщила лоб, как будто пыталась обработать полученную информацию.

– Думаешь, поэтому кто-то пытался тебя убить?

– А почему еще?

Девушка не ответила. К горлу подступил очередной приступ тошноты. На коже проступил холодный пот.

– Мне нужен врач.

– Никто на острове не сможет тебе помочь.

– Клиника. Корабль назад в Стамбул или в ближайший порт.

– Это невозможно.

Алия уставилась на Диану, чувствуя, как паника захлестывает ее с головой.

– И что тогда со мной будет?

Диана отвернулась.

Алия закрыла лицо руками и, к своему стыду, поняла, что вот-вот снова разрыдается. Она не знала, что происходит, но никогда еще не чувствовала такой усталости и страха. Разве что в детстве. Почему все так быстро полетело под откос?

– Не надо было уезжать из дома. Джейсон велел мне сидеть в Нью-Йорке. Сказал, что там безопаснее. Но я так этого хотела.

Диана достала из сумки еще одно одеяло и накинула его Алии на плечи. От него пахло шалфеем и лавандой.

– Чего ты хотела?

– Это глупость.

– Пожалуйста. Я хочу знать.

Алия снова прикрыла глаза. Она была слишком слаба, чтобы говорить, но вина и стыд были сильнее усталости.

– Есть одна летняя программа для тех, кто изучает биологию. Участие в ней засчитывается как учебный курс. Туда сложно попасть, но я подумала: почему бы не попробовать? Что я теряю? А потом меня приняли, и я поняла...

– Как сильно тебе хотелось поехать.

– Да. – Алия слабо улыбнулась. В следующую секунду улыбка угасла. – Я солгала Джейсону.

– Кто такой Джейсон?

– Мой старший брат. Он отличный брат, лучший на свете. Просто слишком сильно обо мне заботится. Я знала, что он ни за что не разрешит мне поехать, поэтому сказала, что родители Ним пригласили меня погостить у них на Санторини. Ты не представляешь, чего мне стоило сохранить все в тайне. Мне нужно было сделать визу, обежать ради справок кучу врачей,

но я справилась. Я сбежала от телохранителей в аэропорту и позвонила Джейсону, только когда уже поднималась на борт «Фетиды». Он страшно разозлился. Клянусь, я в жизни не слышала, чтобы он повышал голос, но в тот день он просто орал. Он сказал... сказал, что *запрещает* мне отплывать. Я кинула трубку.

– Он часто тобой командует? – спросила Диана. – Многим мужчинам нравится чувствовать власть над женщинами. По крайней мере, мне так рассказывали.

Алия фыркнула, но Диана выглядела озабоченной.

– Так-то оно так, но Джейсон другой. Он просто беспокоился обо мне и хотел меня защитить. Я думала, что если покажу ему, что могу справиться со всем сама, то он прекратит со мной нянчиться.

Диана вздохнула.

– Понимаю. Моя мать тоже считает, что без нее я ни с чем не справлюсь.

– Шутишь? Ты спасла мне жизнь. Черт, да ты затащила меня в пещеру *на спине*. По моему, ты довольно способная девица.

– В семье, среди моих... подруг я считаю себя слабой.

– Лично я не вижу в тебе ничего слабого.

Диана несколько мгновений пристально разглядывала ее.

– Я в тебе тоже.

Алия тяжело вздохнула.

– Но Джейсон был прав. Если бы я послушала его и осталась в Нью-Йорке, никто бы не погиб. Мне не следовало уезжать из дома.

Диана нахмурилась.

– Если бы ты осталась дома, пострадать могли другие люди. Твои друзья или родные.

– Может быть, – сказала Алия, но это ее не утешило.

– И потом, это была твоя мечта, – продолжала Диана. – Учиться, получить признание.

– Ну, или хотя бы зачет.

– Разве преступление – хотеть показать, на что ты способна? – Диана яростно сверкнула глазами. – Ты правильно сделала, что попыталась.

– Но Джейсон...

– Джейсон не может защищать тебя вечно. Нельзя всю жизнь прятаться и гадать, чего мы добились бы, дай нам кто-нибудь такую возможность. Нужно *самим* искать возможности. Ты поступила храбро, когда села на корабль.

– Я поступила глупо. Все, что со мной случилось, только доказало правоту Джейсона.

– Нет. Ты пережила кораблекрушение. Когда тебя накрыло волной, ты боролась за жизнь. Возможно, ты сильнее, чем думаешь. Сильнее, чем думают другие. – Диана встала. – И я, возможно, тоже. – Она протянула Алии руку. – Нужно вытащить тебя отсюда.

– Но ты же сказала...

– Я знаю, что я сказала. Ты хочешь убраться с острова или нет?

Алия не понимала, чем вызвана такая перемена, но не собиралась смотреть дареной великанше в зубы.

– Да, – быстро откликнулась она. Она взяла Диану за руку и осторожно поднялась, пытаясь справиться с приступом дурноты. – Каков план? У тебя есть лодка?

– Все не так просто. Тебе придется мне довериться. Местные жители... Мы страшно рискуем, и то, что ты увидишь... в общем, если мы выберемся, тебе придется хранить увиденное в секрете.

Алия вскинула брови, пытаясь сообразить, шутит она или немного не в себе.

– Да, конечно.

– Поклянись самым дорогим, что у тебя есть.

А может, и не немного.

– Клянусь Джейсоном, Ним и поступлением в университет Лиги плюща.
Диана склонила голову набок.

– Думаю, этого достаточно. – Она повернулась к Алие спиной и скомандовала: – Забирайся.

Алия застонала.

– А без этого не обойтись?

Не то чтобы она кипела энергией, но в катании на чужой спине было что-то унижительное. Ей, в конце концов, не пять лет.

Диана пожала плечами.

– Смотри сама.

После того первого взгляда вниз Алия сознательно держалась подальше от входа в пещеру, но сейчас она поплотнее закуталась в одеяла и снова выглянула за край. Обрыв казался еще круче, а камни – еще дальше, чем утром.

Крепко держась одной рукой за Диану, а другой – за зубчатый край устья пещеры, она посмотрела вверх. Почему-то отвесная скала, устремленная в хмурое небо, нагоняла вдвое больше жути, чем обрыв.

– Мы полезем туда? – спросила она.

– Я полезу туда.

– Со мной на спине?

– Ты очень легкая. Мне кажется, тебе не хватает кальция.

– Все у меня нормально с кальцием.

– И мышечный тонус слабоват.

– Я предпочитаю интеллектуальное развитие, – надменно парировала Алия.

Диана взглянула на нее с сомнением.

– Большинство философов сходятся во мнении, что разум и тело должны развиваться соразмерно.

– Что, анкетирование проводили?

Кроме того, Алия сомневалась, что большинству философов хоть раз приходилось играть в вышибалы в академии Беннетт.

Алия вздохнула. Она и прежде-то вряд ли одолела бы такой подъем, а сейчас она явно была не в лучшей форме. Она окинула Диану настороженным взглядом. Алия никогда не считала себя низкой, но рядом с этой девушкой ощущала себя таким карликовым шнауцером. Дело было не только в росте; Диана была грандиозна. Как небоскреб. Или гора Рашмор, только с лицом посимпатичнее.

Алия выпрямилась.

– Хорошо, будь по-твоему.

Диана кивнула и повернулась, подставив спину. Она запрыгнула, и Диана, перехватив Алию под коленями, поправила ее, как туристический рюкзак. Прощай, гордость.

– Но! – кисло сказала Алия.

– Что, прости?

– Вперед, говорю.

– Я тебе не скакун, – фыркнула Диана и рысцой – *трусцой* – направилась к выходу из пещеры. Без предупреждения она вцепилась в скалу и повисла снаружи. Алия зажмурилась и крепче сжала пальцы, стараясь не думать о страшных валунах внизу.

– Ну что, – сказала она в попытке отвлечься, пристраивая подбородок Диане на плечо, – раз уж мы болтаемся на скале, может, расскажешь о себе? О своих увлечениях?

– Мама хочет, чтобы я научилась играть на лире.

– Интересный выбор. Братья? Сестры?

– Нет.

– Прозвища?

Алия почувствовала, как мышцы девушки напряглись.

– Нет.

Пожалуй, светских разговоров на сегодня достаточно.

Диана двигалась рывками, отыскивая опору и медленно, но уверенно поднимаясь наверх. Время от времени она коротко фыркала или что-то цедила сквозь зубы, но не задыхалась и не жаловалась, как на ее месте делала бы Алия.

Алия задумалась было, сколько времени нужно проводить в спортзале, чтобы добиться такой формы, но тут утес содрогнулся. Нога Дианы соскользнула. Они сорвались вниз.

Из груди Алии вырвался крик, сердце рухнуло в пятки. Резкий рывок – и они повисли в воздухе, удерживаясь лишь за счет правой руки Дианы, которая, обдирая ногти, вцепилась в каменный выступ. Алия видела, как сочится между пальцами кровь.

Ее охватило непреодолимое желание посмотреть вниз, узнать, далеко ли до воды, долго ли им падать. «Не смей», – закричала логика, но остальная нервная система уже перешла в режим «бей или беги». Она опустила глаза. По телу прошла волна дурноты. Под ними не было ничего – только волны, бьющиеся о массивные черные камни, которые то исчезали, то выныривали из-под языков белой пены.

Алия посмотрела наверх на кровоточащие пальцы Дианы, на ее медленно слабеющую хватку. Ее собственные ладони вспотели, и теперь она соскальзывала со спины. Она задержалась, пытаясь удержаться.

– Не шевелись, – рявкнула Диана.

Алия замерла.

Из груди Дианы вырвалось нечто среднее между рыком и стоном, и она швырнула тело вперед, выбросив вверх левую руку. На секунду Алии показалось, что они падают. Но тут пальцы Дианы ухватились за выступ, ноги нащарили опору, и в следующий миг они снова стояли, прижимаясь к скале.

Алия чувствовала, как напряжена спина Дианы, как сокращаются ее мышцы. Они продолжили подниматься все выше и выше. Смотреть вниз Алия больше не пыталась. Она закрыла глаза и спустя несколько долгих мгновений Диана подтянулась, забрасывая тело на вершину утеса. Алия скатилась с нее, и с минуту они просто лежали не шевелясь.

Затем Диана вскочила на ноги и, отряхнувшись от пыли, протянула Алии руку.

– Дай отдышаться, – сказала Алия, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце.

– Ты-то с чего устала?

– Мы чуть не погибли!

Диана склонила голову набок.

– Думаешь?

– Да!

Да что с ней не так?

Алия ухватила за руку Дианы и встала. Над головами у них собирались грозовые облака, ветер яростно трепал волосы. Она провела рукой по косичкам. От соли и песка они стали жесткими и неприятными на ощупь.

Надвигалась новая буря – хотя, возможно, это была та же буря, что настигла «Фетиду». Алия всмотрелась в линию горизонта, но не заметила ни маяка, ни порта – никаких признаков цивилизации. Да уж, место и правда уединенное.

Ей не хотелось смотреть на море, и все же она сделала это, надеясь отыскать следы «Фетиды» и ее экипажа. Жасмин, Рэй, Люк, доктор Эллис – «Можно просто Кейт», – сказала она. Но они все равно звали ее «доктор Эллис». О чем спорили Рэй и Жасмин, когда поднялся ветер? Они сбились с курса, приборы словно сходили с ума, и все вокруг винили во всем друг друга.

Ссоры начались с самого первого дня на борту. Алия держалась в стороне от всех, безуспешно пытаясь бороться с чувством разочарования. Месяц на «Фетиде» должен был доказать Джейсону, что она способна за себя постоять, но она также надеялась завести новых друзей за пределами академии Беннетт и отдохнуть от напряжения, которое в последнее время, казалось, следовало за ней по пятам. Но ничего не изменилось. Рэй и Люк чуть не затеяли драку из-за несчастного плей-листа. А теперь их больше нет.

– Может, нам стоит подождать здесь? – предложила Алия. Пока Дианы не было, она чувствовала себя хуже некуда, но теперь, когда они выбрались из пещеры, дышать стало легче, а тошнота немного отступила. – Корабль будут искать. Сюда отправят поисковые отряды. Может, нам удастся как-то подать им сигнал с берега.

Диана покачала головой.

– Никто тебя не найдет. Только не здесь.

Алия скептически подняла бровь.

– Это что, местный Бермудский треугольник?

– Вроде того. До острова крайне сложно добраться. Его нет ни на одной карте.

Алия погрозила ей пальцем.

– Гугл знает все.

– Гугл, – повторила Диана. – Это один из ваших богов?

– Слушай. То, что я частенько сижу в интернете, не значит, что у меня зависимость.

Диана непонимающе взглянула на нее, потом поманила за собой.

– Пойдем. Мы здесь как на ладони.

– Не уверена, что прятаться от грозы в лесу – хорошая идея, – заметила Алия.

Диана закусила губу – об этом она явно не подумала.

– Я так понимаю, грозы у вас бывают нечасто?

– Никогда, – отозвалась Диана. – Но нам придется идти в лес. Здесь оставаться нельзя.

По рукам Алии пробежал холодок, не имеющий ничего общего с ветром и влажной одеждой.

– Что ты имеешь в виду?

– Жители острова поселились здесь, потому что не хотели, чтобы их нашли.

– И ты тоже?

– Я... у меня не было выбора. Я здесь родилась. Но они правда очень не любят чужаков.

Алия поежилась. Замечательно. Она попала к дикарям, которые живут закрытой коммуной, наигрывая на лирах. *«Не падай духом, Алия».*

– Это же не какой-нибудь чудной отряд сопротивления?

– Вообще говоря, многие из них... гм... военные.

Еще лучше. С ее-то везением это точно окажется кучка дикарей-параноиков, помешанных на выживании. Если они не любят чужаков, темнокожая жительница Нью-Йорка им точно не понравится.

– И они не пользуются телефонами? Или рациями?

– У нас нет связи с внешним миром.

– А если кто-то заболит или поранится?

– С нами такого не бывает, – сказала Диана и добавила: – По крайней мере, до недавнего времени не было.

Ага, значит, Алия умудрилась попасть в крушение у острова каких-то сектантов. Идеально.

– А нельзя просто украсть какую-нибудь лодку?

– Я думала об этом, но в доках полно людей. Они заметят, если кто-то попытается взять судно, особенно во время шторма. И потом, для того, чтобы попасть в Терапну, одной лодки, боюсь, будет маловато.

– Куда?

– Это на юге Греции. Залив Лаконикос.

Если Алия хоть что-то помнила из уроков географии, Диана несла полную чушь. «Фетида» всего несколько дней назад покинула Стамбул. Даже если они действительно сбились с курса, отправляться так далеко как минимум странно. Почему не Салоники? Или хотя бы Афины?

– Это же в сотнях миль отсюда. На лодке мы столько не проплывем.

– Вот именно.

Алия сделала глубокий вдох. В груди болело, как от удара. Она порядочно наглоталась воды, а тело было покрыто синяками. Вдобавок ко всему ее все еще мутило. Ей нужен врач. Ей нужно попасть в нормальный город.

Если Диана не лгала и не бредила – и тот, и другой вариант Алия не исключала, – этот остров кишит психами. Нужно действовать осторожно. «Подыграй ей, – сказала она себе. – Она хочет в Южную Грецию? Не вопрос». Алия готова улыбаться и кивать сколько угодно, если это поможет ей добраться до телефона.

Она собралась с духом и последовала за Дианой в тихий зеленый лес. Они словно оказались в другом мире. Когда Алия была маленькой, родители возили их с Джейсоном в бразильские дождевые леса, чтобы они познакомились с недавно открытыми видами растений и узнали, какие препараты из них получают. Этот лес – сочный, живой – немного напоминал те места, но в то же время был совершенно на них не похож. Деревьев, подобных этим, она не видела никогда; некоторые из них были настолько велики, что внутри них могла свободно пришвартоваться «Фетида». Толстые корни, увитые цветущим жасмином, спиралями покрывали землю. Прикосновение благоуханного воздуха к коже Алии напоминало шелк, а дождевые капли, усеивающие мох, листья и ветви, мерцали, как самоцветы.

«Отличное место, чтобы основать секту».

Алия знала, что ей следует помалкивать, но не смогла удержаться от вопроса:

– Зачем нам нужно в Южную Грецию?

– На вас напали не из-за работы твоих родителей. За тобой охотятся.

– Охотятся, – повторила Алия бесцветно. – Из-за моей шелковистой шкурки?

– Потому что ты *хаптандра*.

– Кто?

– Вестница войны.

– Только не надо этих геймерских штучек.

Диана бросила на нее озадаченный взгляд.

– Оракул сказала, что нам нужно добраться до источника у Терапны прежде, чем зайдет солнце в первый день гекатомбеона. Там находится гробница Елены – ее похоронили рядом с Менелаем. Как только ты и твоя кровь очистятся в источнике, ты перестанешь быть Вестницей войны. Тебе больше не нужно будет жить в страхе.

– Ясно, – сказала Алия. – Чего уж тут непонятного.

– Будем надеяться, что твои враги считают тебя мертвой. Но как только мы покинем остров, нужно быть готовыми ко всему.

«Я буду готова обратиться в ближайшее отделение полиции и свалить подальше от тебя, королева чокнутых», – подумала Алия, но вслух сказала только:

– Понятно.

Диана резко остановилась и прижала палец к губам. Алия понимающе кивнула, тихонько приблизилась к ней и из-за ее плеча осторожно выглянула сквозь листья.

Она не знала, что ожидала увидеть. Может, форт, или лагерь воинственных ополченцев, или кучку аборигенов в камуфляже. Вместо этого ее взору предстала широкая дорога, ведущая

в высеченный из золотистого камня город; арки и шпили; открытые портики, увитые водопадами цветов; купола и шелковые навесы на изящных колоннах.

В городе что-то происходило. По дороге туда-сюда сновали женщины, и в их движениях ощущалась какая-то срочность. Одежда некоторых напоминала ту, что была на Диане: кожаные штаны и топ, но на других были яркие шелка. На военизированный лагерь они походили мало: скорее уж на группу актеров перед выступлением.

Диана оглянулась на Алию и изобразила что-то рукой.

– Это какая-то военная фишка? – шепотом поинтересовалась Алия.

– Забудь, – раздраженно выдохнула Диана. – Просто иди за мной и помалкивай. И постарайся ступать тише. Вроде такая маленькая, а шума от тебя как от слона.

– Я не *маленькая*, – возмутилась Алия. Может, ее и нельзя назвать *грациозной*, но она все же не из тех, кто с размаху врзается в деревья.

Они двинулись дальше, пробираясь между ветвей. Диана уверенно шагала вперед, не останавливаясь, чтобы передохнуть, но Алие с каждой секундой становилось хуже. Она не знала, как долго они идут, но свои парусиновые туфли она потеряла во время крушения, и, несмотря на мягкий ковер мха, ее несчастные ноги чувствовали каждый корень, кочку и камешек.

Наконец Диана остановилась. На этот раз она легла на живот и, как гусеница, заползла под дерево с кожистыми зелеными листьями. Несколько мгновений Алия стояла на месте в нерешительности. Затем пожала плечами, опустилась на землю и поползла за Дианой. Они вынырнули с другой стороны и увидели в долине внизу крепость с высокими стенами.

– Стены дали трещину. – В голосе Дианы звучало какое-то тоскливое изумление. – А ведь они простояли почти три тысячелетия.

Теперь Алия окончательно убедилась, что девушка спятила. Крепости никак не могло быть столько лет. Если не брать в расчет большую трещину, идущую по одной из стен песчаного цвета, она выглядела так, будто ее возвели совсем недавно.

Алия увидела, как еще две женщины в кожаных штанах и топах нырнули в арку. Когда они показались с другой стороны, к ним присоединилась третья. Единственная ее рука была украшена татуировкой, напоминающей...

– Это что, кольчуга?

Диана кивнула.

– Эверильда участвовала в Крестовых походах под видом рыцаря. Татуировка покрывает все ее тело до пояса.

– Ого. Она как будто сбежала с исторического фестиваля. Что написано у нее на плече?

Диана поморгала, стряхивая с черных ресниц капли дождя.

– «Мир». По-арабски. Она сделала эту надпись, когда на острове появилась Хафса. Обе они работают в тренировочных залах, но из-за бури и землетрясения в Эфезеуме, видимо, нужны все свободные руки. – Диана застонала. – Мать меня убьет.

– Почему?

– Я должна быть с ними, должна помогать. *Взять на себя руководство.*

Алия едва удержалась от смеха. По-видимому, даже детям сектантов приходится мириться с родительскими ожиданиями.

– Что это за место?

– Арсенал.

Для Арсенала крепость была потрясающе красива.

Когда женщины скрылись из виду, Диана повела спутницу вниз по насыпи, под увитую цветами арку. Алия коснулась кремовой розы, чьи лепестки, красноватые на кончиках, отяжелели от дождя. Никогда еще она не видела цветов прекраснее, и каждый из них был размером почти с ее голову.

– Соколиные розы, – пояснила Диана. – Иерихонские лилии, настурции. Растения, которые ассоциируются с войной или победой. Маме нравится тематический декор.

– Совершенно обычное дело, – пробормотала Алия.

Но когда они вошли в Арсенал, у нее отвисла челюсть. Это была просторная шестиугольная комната, накрытая гигантским куполом. На каждой стене висели разные виды оружия: мечи, топоры, кинжалы, посохи, а также штуки с шипами, зубцами и жуткими маленькими колючками, названия которых Алия не знала. Оружие, судя по всему, было расположено хронологически: сверху – самое старое и грубо сработанное; ниже – его современные аналоги более тонкой работы.

– Огнестрельного нет, – заметила она.

Диана посмотрела на нее как на слабоумную.

– Огнестрельное оружие – для трусов.

– Хм-м, – дипломатично протянула Алия. Трусы трусами, но огнестрельное оружие гораздо эффективнее любого другого. Поэтому полицейские и не вооружаются боевыми топорами, когда идут в патруль. *«Анти-огнестрельная секта цветоводов-экспертов по выживанию»*. Может, они просто хиппи, которые коллекционируют оружие?

– Что это? – поинтересовалась Алия и кивнула на посох, увенчанный огромной когтистой лапой.

– Чжуа. Ее используют, чтобы вырывать щиты из рук верховых противниц.

– Выглядит как самая смертоносная швабра мира.

Диана призадумалась.

– Пожалуй, ею можно запугать пол так, чтобы он вымыл себя сам.

Они направились дальше мимо мягких матов на полу и тренировочных манекенов.

– И вы так просто оставляете оружие без присмотра? Это же опасно.

– Оружие разрешается выносить из Арсенала только во время церемоний.

– А если кто-нибудь что-то украдет?

– Как? Все, что ты видишь, принадлежит нам всем.

Алия мысленно добавила к описанию секты новый пункт: «социалисты». Джейсон бы не одобрил. Но ей не хотелось думать о брате и о том, как он, должно быть, волнуется. Или о том, что она может его больше не увидеть, если только не придумает, как сбежать с острова.

Они миновали очередной арочный проем и оказались в комнате поменьше. Свет попадал внутрь через голубое стекло витражного купола, а потому был не таким ярким. Комнату заполняли стеклянные витрины с хитроумно расположенными зеркалами, создающими впечатление, что содержимое витрин парит в потоке голубого света. Они как будто оказались внутри сапфира.

В витринах без всяких табличек и подписей находились костюмы: измятый бронзовый нагрудник и пара потрепанных сандалий; фрагменты стали и кожи – очевидно, какой-то самурайский доспех; тяжелые мехи и вышитые бисером седельные сумки; комбинезон пилота – такие, пожалуй, носили в двадцатые. Впрочем, в истории военной моды Алия была не сильна, Ним наверняка сказала бы точнее. Но когда Алия пригляделась получше, она увидела, что верхняя часть комбинезона изрешечена пулевыми отверстиями. Она взглядела в тяжелый доспех в соседней витрине. В нем зияла дыра – похоже, от удара копья.

Внимание привлекала еще одна вещь. Форма доспехов, фасон одежды, короны, браслеты, сапоги. Алия застыла на месте. На дороге к городу она видела два или три десятка человек – и среди них ни одного мужчины.

– Минуточку, – сказала Алия. Диана стояла в центре комнаты перед самой большой стеклянной витриной, освещенной белым столбом света из отверстия в куполе. – А мужчины на острове есть?

Диана покачала головой:

– Нет.

– *Ни одного?*

– Нет.

– Обалдеть! У вас что, секта радикальных феминисток?

Диана нахмурилась.

– Не совсем.

– Вы все лесбиянки?

– Нет, конечно.

– Ты не подумай, это же здорово. Ним лесбиянка. Или би. Она пока не определилась.

– Кто такая Ним?

– Моя лучшая подруга, – сказала Алия и добавила мысленно: «Моя единственная подруга». Джейсон не считается. А с Тео они были скорее приятели, чем настоящие друзья.

– Одним нравятся мужчины, другим женщины, третьим и те и другие, четвертым никто.

– Но где тогда парни?

– Долгая история.

– И как это ты здесь *родилась*, если на острове нет мужчин?

– Эта история еще дольше.

Диана повернулась назад к витрине, отперла задвижку, помедлила. Осторожно, будто опасаясь, что металл может обжечь, она протянула руку и достала из витрины тонкую золотую тиару с огромным рубином, ограненным в форме звезды.

Алия повидала немало крупных рубинов на светских львицах с Парк-авеню, но ничего подобного она раньше не видела.

– Чья она?

– Думаю, моя. Мама приказала выковать ее, когда я родилась. Но я никогда ее не носила.

– Это настоящий рубин?

Диана кивнула с легкой улыбкой.

– Красный, как Собачья звезда. Меня называли в честь охотницы Дианы, а родилась я под созвездием Ориона, которому она благоволила. Этот рубин был вырезан из камня, который вставлен в корону моей матери. – Диана кивнула на подвешенную в витрине широкую тиару с рубином еще более крупного размера. – Это камни сердца. Они работают как своего рода компас.

Она вытащила пятиконечный рубин из гнезда и вернула золотой венец на место.

– Надеюсь, никто не заметит.

– Пропажи рубина размером с макарун? Нет, конечно.

Пальцы Дианы скользнули по другим предметам в витрине: широкий золотой пояс, усыпанный красными драгоценными камнями и осколками топаза величиной с ногти Алии; элегантный лук без тетивы и украшенный вышивкой кожаный колчан, полный стрел; пара широких железных браслетов и длинная веревка, свернутая кольцами, как змея.

– Это нам понадобится, – сказала Диана, доставая из витрины лассо. Как только она пристегнула его к бедру, оно ярко сверкнуло, словно было сплетено не из обычных волокон, а из чего-то другого. Диана коснулась одного из железных браслетов. – Когда я была маленькой, мама каждую неделю приводила меня сюда. Она рассказывала мне о каждой витрине, обо всех женщинах, которые живут на острове. Это реликвии, принадлежащие нашим величайшим героям. Фрагменты их прошлых жизней и сражений, в которых они отстаивали мир на острове. Она рассказала мне обо всех. Кроме себя.

«Должно быть, семейные реликвии», – подумала Алия.

В следующую секунду браслет, которого касалась Диана, *шевелинулся*.

Алия попятилась и чуть не врезалась в витрину за спиной.

– Что за?..

Металл как будто расплавился. Он выплеснулся из витрины и сомкнулся вокруг запястья Дианы.

– Какого черта?! – выдохнула Алия, когда второй браслет скользнул Диане на другую руку.

Диана, кажется, была потрясена не меньше ее. Она вытянула руки перед собой, словно хирург, который готовится к операции, и с открытым ртом уставилась на браслеты.

«У меня сотрясение мозга, – залепетал внутренний голос Алии. – Ну конечно, у меня сотрясение. А может, я вообще в коме. Я отключилась в момент взрыва и теперь лежу в больнице в Турции. Нужно поскорее проснуться и рассказать Ним о волшебном острове, населенном одними женщинами. Она же описается от восторга».

– Может, это знак, – сказала Диана.

– Знак чего? – пискнула Алия.

– Что я права. Что я поступаю правильно.

– Помогая мне сбежать с острова? Разумеется. Правильней некуда. – Алия присмотрелась к веревке и браслетам. Что бы ни говорила Диана о ношении оружия, рядом, возможно, бегают толпа чокнутых дамочек с боевыми топорами и смертоносными швабрами. – Может, захватим что-нибудь еще?

– Например?

– Ты сама говорила, что на меня ведется охота. Разве нам не нужен, скажем, арбалет? Или копье? Что-нибудь острое, вроде вон того меча.

– Другие артефакты? Это воровство.

– А как же браслеты?

– Они мои по праву рождения.

– А мы не можем *одолжить* что-нибудь из тренировочных залов?

– Мы направляемся к источнику не ради битв. Мы делаем это, чтобы их предотвратить.

– Это верно, но – как там говорят? «Иногда лучшая защита – нападение».

Диана подняла бровь.

– А иногда лучшая защита – не размахивать направо и налево огромным мечом.

– Говорит девушка, которая вымахала под шесть футов и может носить меня, как заплечный мешок. Никто не рискнет с тобой связываться.

– Знаешь, я...

По полу прокатилась очередная волна дрожи, и по комнате заплескал голубой свет.

– Идем, – сказала Диана, хватая Алию за локоть и отдергивая ее прочь от витрины, которая закачалась и рухнула на каменный пол, разлетевшись на осколки. – Тебе нужно покинуть остров.

Они бросились назад по Арсеналу. Алия едва поспевала за Дианой. В голове стучало, тошнота вернулась и навалилась на нее с удвоенной силой. Куски камня отваливались от огромного купола и падали на тренировочные маты, а Диана и Алия, петляя и уворачиваясь, двигались к выходу.

Когда они приблизились к арке, Диана притормозила Алию, но путь, по всей видимости, был чист, потому что она схватила ее за руку, и они побежали к лесу. Они остановились только тогда, когда взобрались по насыпи и скрылись среди деревьев. Алии казалось, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Она знала, что она не в лучшей форме. Ним вечно пыталась соблазнить ее йогой, а Джейсон и вовсе отдал сердце своей беговой дорожке, но тут все было иначе. Голова шла кругом, а по черепу пульсирующими толчками разливалась боль.

– Мне нужно передохнуть, – сказала она и согнулась пополам. В глазах стоял туман. Что-то стекало по губам, и когда она коснулась лица и посмотрела на руку, то увидела кровь. – Что со мной?

Диана достала из сумки кусок ткани, смочила его дождевой водой с ближайшей ветки и мягко приложила его ко рту и носу Алии. От ее прикосновения боль слегка отступила, а к зрению вернулась четкость.

– Я же говорила, тебе нельзя оставаться на острове.

– Остров – это метафора, – пробормотала Алиа себе под нос. – Когда мы уплывем, я проснусь.

– Никакая это не метафора. Мой дом убивает тебя, чтобы ты не успела его уничтожить. Нам нужно спешить. Хочешь, я тебя понесу?

– *Нет.* – Алиа оттолкнула руку Дианы. – Все нормально.

Диана покачала головой, но спорить не стала. Алиа поплелась за ней, то и дело прислоняясь к стволам деревьев, слушая собственное хриплое дыхание и хлюпая по мягкой земле, которую развезло от дождя. Она слышала, как птицы прячутся в густой зеленой листве, слышала шорох их крыльев. Откуда-то доносились визги обезьян, хотя никаких следов их присутствия она не замечала. Жизнь кипела ключом в этом месте, питала его, опьяняла.

«Что здесь реально, а что нет?» – подумала Алиа. Возможно, остров реален, а чувства ее обманывают. Она могла повредить мозг в катастрофе. Уровень адреналина в теле, конечно же, зашкаливает. А может, она лежит где-нибудь в больнице внутри аппарата МРТ, и все это – ее галлюцинация. Эта мысль ей понравилась. Врачи выяснят, что не так с ее мозгом, и все исправят. При наличии времени и ресурсов наука способна справиться с чем угодно. Так им с Джейсоном говорили родители. Мир подчиняется идеальной логике, и его скрытые закономерности раскрывают себя, если знать, куда смотреть. Что бы они подумали о гигантских деревьях и украшениях, которые ведут себя, как дрессированные звери? *«Они бы сказали, что этому должно быть объяснение. Они бы его нашли».*

Алиа, спотыкаясь, брела за Дианой по отлогому склону. Лес редел, пока наконец они не вышли на открытое пространство. Ее охватило острое чувство перехода из одного мира в другой. Только что они были в густом лесу, полном цветов и пестрых певчих птиц. Теперь перед ней лежали луга, холмистые равнины, мягко колышущееся море серых и бледно-зеленых трав, которое распадалось на цвета пасмурного неба.

Алиа пыталась отдышаться, прекрасно понимая, что сипит, как уставшая собака, в то время как Диана, похоже, даже не запыхалась.

– Этого не может быть. В этом климате подобная экосистема невозможна.

Диана лишь улыбнулась.

– Вот такой у нас остров. Таковы его дары.

Алиа с трудом удержалась, чтобы не закатить глаза.

– Мама никогда не говорит о своей жизни до острова, – продолжала Диана. – Но это место она особенно любит. Думаю, оно напоминает ей о степях.

Диана долго стояла, глядя на травянистые холмы. Алии совершенно не хотелось снова куда-то идти, но у нее сложилось стойкое впечатление, что они вроде бы спешат.

– Так что... – начала она. Диана помотала головой и прижала палец к губам. – Не затыкай ме...

– Слушай.

– Я слышу только ветер.

– Смотри, – сказала Диана и взяла Алию за руку. Она опустила ее на корточки, потянув Алию за собой, и прижала ее ладонь к сырой земле. – Чувствуешь?

Алиа нахмурилась было, но вдруг ощутила дрожь, которая отличалась от прежних толчков. Она напоминала скорее шум дождя... нет, тоже не то.

– Закрой глаза, – шепнула Диана.

Алиа настороженно покосилась на нее, но зажмурилась. Мир погрузился в темноту. В воздухе разливался запах грозы, густой мшистый аромат леса за спиной и – что-то еще, какой-

то теплый запах, который она никак не могла распознать. Она услышала, как ветер шуршит травой, а потом – так слабо, что она решила сперва, что ей почудилось, – до нее донеслось тихое ржание. Оно повторилось, и к мягкой дробе, которая поднималась от земли, начали примешиваться другие звуки: движение массы тел, всхрапывание, стук копыт.

Она распахнула глаза и поняла, что улыбается.

– Лошади?

Диана ухмыльнулась и кивнула. Они поднялись на ноги.

– Но где они?

– Здесь, в поле. Это призрачный табун.

Диана сняла с бедра золотистую веревку и двинулась вперед. Ей трава доходила до бедер, а Алии была почти по пояс; она щекотала голые ноги, опутывая их, как паутина.

– Мама и ее сестры были прекрасными наездницами, – сказала Диана. – Они знали, как подступиться к любому коню и убедить его сделать все, что им нужно, умели целиться из лука вниз головой и выпускать стрелы, свешиваясь из седла. Когда на остров прибыла Мейв... – Голос Дианы дрогнул. – Призрачный табун – это подарок богини Эпоны. Благодарность Гере и Афине за то, что они даровали Мейв бессмертие.

Диана сделала знак, и они остановились. Алиа увидела, что она завязала на веревке петлю и сделала лассо, которое теперь начала мягко раскручивать, увеличивая скорость.

Звуки стали ближе, топот копыт как будто вторил сердцебиению, удваивал его, утраивал. Высокая трава двигалась против ветра, прижималась к земле под действием невидимой массы. Разум Алии отказывался верить в происходящее. «*Это невозможно*». Так не бывает.

Глаза Дианы были закрыты. Она стояла, развернув лицо против ветра и прислушиваясь, пока лассо лениво описывало круги. Когда Диана выбросила веревку вперед, та, казалось, светилась в ее руках. Веревка прочертила в сером небе длинную блестящую полосу и упала на шею гигантской белой лошади, которой еще секунду назад в этом месте не было. Лассо словно выхватило ее из воздуха.

Алиа попятилась, чувствуя, как бешено колотится сердце. Диана ослабила лассо и повернулась на месте; лошадь раздраженно затрясла белоснежной гривой, замедляя бег. Диана мягко потянула веревку на себя, и лошадь остановилась, встала на дыбы и тоненько, гневно заржала.

– Тише, тише, Хиона, – ласково зашептала Диана. – Это же я.

Лошадь попятилась, пританцовывая и встряхивая гривой, и Диана еще раз мягко потянула за веревку. Мышцы под ее бронзовой кожей напряглись.

Она негромко засвистела, и лошадь насторожила уши, а затем неохотно остановилась, глухо стукнув копытами по траве, и раздраженно всхрапнула. Диана начала сматывать лассо, подтягивая животное ближе. Когда лошадь оказалась достаточно близко, девушка обняла ее за шею и похлопала по боку, а та уткнулась в Диану своим огромным лбом.

– Это любимица Мейв, – пояснила Диана, и в ее голосе Алиа уловила печаль и тревогу. Диана, ободряюще улыбаясь, махнула ей рукой. – Ну давай, не бойся.

Алиа помялась, а затем осторожно протянула руку и погладила бархатистый лошадиный нос. Многие в ее школе занимались верховой ездой, но таких животных она не видела никогда: белоснежная, как будто высеченная из мрамора лошадь выглядела так, словно сошла с поста-мента на городской площади. Ресницы того же белого цвета, что и грива, прикрывали глубокие черно-лиловые, как фиалки, глаза без белков.

Лошадь – «*невидимая лошадь*», уточнил разум Алии и тут же торопливо отогнал эту мысль, – склонила голову, и Алиа почувствовала, как остатки того ужаса, который она хранила в себе с момента катастрофы, исчезли. К глазам вдруг подступили слезы. Она подумала о ста-кане, до краев наполненном водой, и о поверхностном натяжении, которое не давало содержи-мому вылиться. Лошадь была теплой. Алиа видела, как изгибаются ее длинные ресницы. Она

была реальнее всего, что случилось с Алией после ледяных волн. Если это создание и правда настоящее, то и *все остальное*, возможно, тоже. Нет, это уж слишком.

Алия закрыла глаза и прижалась лбом к грубому шелку лошадиной гривы.

– Как ты ее назвала?

– Хиона. Это значит «снег».

– И это подарок?

– Да. Если сесть на лошадь из призрачного табуна и взяться за гриву, и лошадь, и всадница станут невидимыми.

– Почему тогда мы ее видим?

– Из-за лассо. Оно всегда показывает правду.

Из груди Алии вырвался то ли вздох, то ли рыдание.

– Можешь спросить свое лассо, вернусь ли я домой?

– Так оно не работает. И... Алия, тебе нельзя домой. Пока нельзя. Тебя пытались убить.

– Из-за Фонда.

– Из-за того, кто ты. Ты опасна для многих людей. Нам с тобой нужно добраться до Греции, до источника в Терапне.

Диана прошептала что-то лошади на ухо, а затем выдернула из гривы Хионы несколько волосков. Хиона возмущенно заржала, но осталась на месте, переминая огромными копытами.

– Что ты делаешь? – спросила Алия.

– Мы должны это остановить.

По земле прокатился очередной толчок, и лошадь отпрянула, вырвав лассо из рук Дианы. Диана, не меняя выражения лица, раскинула руки и загородила Алию. Хиона поплясала на месте, постепенно успокаиваясь. Диана выждала еще несколько секунд и снова взялась за веревку.

– Скоро будет лучше, – мягко сказала она, похлопав лошадь по боку. – Обещаю.

Диана сняла лассо с лошадиной шеи, и на глазах изумленной Алии Хиона исчезла. Магия. Настоящая магия. Магия как в кино. Волшебников и волшебных палочек она пока не видела, но, возможно, если она пробудет на острове еще какое-то время, то мимо пролетит дракон. «Все это выглядит таким реальным», – думала Алия, шагая за Дианой по полю. Но, наверное, так бывает с любыми галлюцинациями.

В какой-то момент она заметила, что местность кажется знакомой. Вдалеке показалось море. Они вернулись к утесам.

– В пещеру я больше не пойду, – упрямо заявила она.

– Мы идем не в пещеру, а к бухте.

Алия осторожно приблизилась к краю утеса и глянула вниз. В прибрежные скалы, словно верхушка вопросительного знака, врезался маленький песчаный пляж.

– Ладно, но больше никаких катаний на спине.

– Я могу сделать обвязку, – сказала Диана, доставая из сумки кусок обыкновенной веревки.

– Нет уж. По утесу я спускаться не буду.

– Я не дам тебе упасть.

– Знаешь что, Диана? Мы только что познакомились, так что ты, возможно, этого еще не поняла, но я не такая, как ты. Я благодарна тебе за то, что ты спасла меня...

– Пару раз.

– Хорошо, пару раз, но сегодня произошло слишком много всего. Я не хожу в пешие походы и не занимаюсь скалолазанием вне помещения, без страховки и накачанного инструктора, который подбадривает тебя снизу. Я стараюсь, как могу, но еще немного, и у меня сдадут нервы.

Несколько секунд Диана пристально смотрела на нее. Алия не сомневалась, что девушка может просто перекинуть ее через плечо, если захочет. Но Диана только кивнула и слегка поклонилась.

– Прости меня.

Вот они какие, дети сектантов. Никогда не забывают о манерах.

– Ничего страшного, – сказала Алия, смущенная своей вспышкой.

Что ж, по крайней мере, никаких больше катаний на закорках. Диана повела ее вдоль утеса к началу крутой и узкой тропы. Алия почувствовала ком в горле, сглотнула и постаралась придать себе уверенный вид.

– Так-то лучше.

– Если бы мы сделали по-моему, вышло бы быстрее, – заметила Диана.

– Тише едешь – дальше будешь.

– Это почти всегда неправда.

– Скажи это Эзопу.

– Эзопа никогда не существовало. Басни, которые ему приписывают, созданы двумя рабынями.

– Я не удивлена. Подумаю об этом, пока буду спускаться.

Алия ступила на тропу, осторожно выбирая, куда поставить ногу, чтобы не потерять опору и не свалиться с обрыва.

– Так ты час будешь спускаться, – заметила Диана.

– Час так час. Я тебе не горная коза.

– Ага, рассказывай.

В этот момент они ощутили очередной легкий толчок, и Алия прижалась спиной к скале.

– Уверена, что хочешь спуститься по тропе? – спросила Диана.

– Абсолютно, – выдавила Алия.

– Хорошо. Подожди меня на пляже.

– Ты не идешь?

– Я спущусь по-своему.

Диана скинула сумку в бухту. Затем под потрясенным взглядом Алии разбежалась по направлению к краю утеса. Алия зажала рот руками. *«Она же не собирается...»*

Диана прыгнула. На фоне грозовых облаков на секунду промелькнул ее силуэт – носки вытянуты, руки выброшены вперед. Можно было подумать, что сейчас она расправит крылья и полетит. *«Сегодня я видела и более странные вещи»*. Вместо этого ее тело описало дугу и исчезло за краем утеса.

– Ага, выделяйся, – буркнула Алия и продолжила спуск.

Двигаясь по тропе, она то выбирала, куда поставить ногу, то всматривалась в море, пытаясь разглядеть среди серых волн Диану. Прибой накатывал на берег с неуголимой яростью. Что, если Диану просто утащило под воду? Что, если ее прекрасная голова разбилась о камень?

Чем ниже спускалась Алия, тем сильнее болела ее собственная голова и тем хуже она себя чувствовала. Когда она наконец достигла подножия утесов, ноги дрожали, а нервы были напряжены до предела от постоянного страха перед падением. Дианы нигде не было видно, и Алия вдруг поняла, что понятия не имеет, что делать, если девушка не вернется. Подниматься назад? А хватит ли ей сил? Надеяться, что одна из местных собирательниц оружия найдет ее и окажется дружелюбнее, чем предполагала Диана? И что насчет этих разговоров о Греции и о том, как опасна Алия?

– Да у нее мозги набекрень, – решительно сказала Алия в пустоту. – Вот они, плоды сектантского воспитания.

«Говорит человек, который стоит на берегу и общается сам с собой».

И все же узел тревоги в ее груди ослаб, когда она глянула на море и увидела, как Диана уверенно, ритмичными гребками рассекает волны. За спиной у нее покачивался на волнах какой-то массивный предмет.

Приблизившись к берегу, Диана встала на ноги и побрела на сушу. С темных волос лилась вода, через плечи были перекинута веревки. С каждым шагом ее ступни глубоко зарывались в песок; каждый мускул напрягался от усилий. Алии понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что веревки были частью такелажа.

Диана вытянула со дна «Фетиду».

Алию пробрала дрожь. Одна из мачт была цела, другая переломилась у самого основания. Носа не было совсем. Взрыв оставил на месте целого фрагмента судна неровный срез дерева и стеклопластика. *«За тобой охотятся... из-за того, кто ты».*

Диана ничего не понимала. Семья Алии была под прицелом уже давно: сначала когда люди обвинили их в том, что они «играют в Бога», потом – из-за требований, которые Фонд Кералис предъявлял ко всем грантам. До сих пор существовало мнение, что авария, в которой погибли ее родители, была подстроена. Тщательное расследование показало, что виной всему в ту страшную ночь стали лишь скользкая дорога и невниманье водителей. Но раз в несколько лет в очередной газете или на очередном сайте появлялась статья, в которой поднималась идея заговора против Ника и Лины Кералис. Алия получала электронное письмо от какого-нибудь пытливого журналиста или, проходя мимо газетного киоска, натыкалась на свадебное фото родителей, и рана открывалась снова.

Она помнила, как сидела на заднем сиденье вместе с Джейсоном, как освещали его профиль уличные фонари. Родители спорили, по какому мосту лучше ехать домой. Такими она их и запомнила: мать постукивает пальцами по рулю, отец тычет пальцем в телефон и доказывает, что если бы она свернула на Трайборо, то они бы уже были дома. Потом – странное ощущение, что машина движется не туда, и понимание того, что они скользят через три полосы. Она помнила, как машина врезалась в разделитель, помнила скрежет рвущегося металла, и больше ничего. Ей было двенадцать. Джейсону – шестнадцать. Когда она пришла в себя в больнице, то все еще слышала запах жженой резины. Он развеялся лишь спустя несколько дней, сменившись навязчивой вонью больничного антисептика. Когда она очнулась, Джейсон был рядом. Щеку его рассекала глубокая рана с наложенными швами, глаза были красными от слез. Потом приехал их крестный, Майкл Сантос, со своим сыном Тео, который обнимал за плечи Джейсона и держал за руку Алию.

Сейчас, глядя на останки «Фетиды», она почувствовала то же, что после пробуждения в больнице; горе накинлось на нее снова. *«За тобой охотятся».* Была ли Алия причиной крушения? Не из-за нее ли погибли Жасмин, Рэй и другие?

Диана принялась распутывать оснастку. Она отрывала куски от корпуса так, словно разделяла за ужином лобстера.

– Что ты делаешь? – спросила Алия, нервно наблюдая за ней. Может, сектанты добавляют в ежедневные витамины стероиды?

– Нам нужно судно, чтобы пересечь границу.

– Границу?

Диана замялась.

– Я имею в виду, чтобы выйти в открытое море. Сам по себе корпус бесполезен, но, думаю, мы можем сделать плот из паруса и части палубы.

Алии не хотелось прикасаться к кораблю. Ей хотелось просто о нем забыть.

– Плот? Ты видела, какие там волны? Может, подождем, пока шторм утихнет?

– Этот шторм не утихнет. Дальше будет только хуже. – Диана вгляделась в море. – Можно, конечно, попытаться вплавь, но если нас разнесет в разные стороны...

– Ты права, – перебила ее Алия и вцепилась в кусок корпуса, помогая Диане его оторвать.

В этот момент Диана согнулась от боли.

– Что такое? – запаниковала Алия. Она и сама не заметила, как начала считать Диану неуязвимой.

– Мейв, – сказала она. – И другие. Нужно спешить. Пока еще не поздно.

Глава 5

Они работали почти час. Подземные толчки участились, время от времени от утеса за их спиной откалывались куски. Сперва Алия пыталась помогать, но через какое-то время сдалась и прислонилась к импровизированному плоту, хватая воздух ртом. Несмотря на ее темную кожу, Диана видела, что ее сестра мертвенно побледнела.

Когда они поднимались по утесу и Диана была рядом, она явно чувствовала себя лучше. *«Если будешь держаться рядом с девочкой, то сможешь оттянуть ее смерть, даже облегчить ее страдания, но не исцелить. Она умрет, а остров будет жить»*. Алия умирала, и хотя сама Диана пока чувствовала себя хорошо, через кровные узы, связывающие всех амазонок, до нее доходило эхо боли и непонимания ее сестер. Что чувствовала одна, чувствовали все, и участвовать в сражении, пусть даже тренировочном, значило терпеть боль от собственного удара. Если одна из них умрет... Нет, Диана не позволит этому случиться.

– Держись, Мейв, – прошептала она.

Они, как могли, связали плот, и Диана подняла парус, вплетая в оснастку волоски из гривы Хионы. С каждым узлом часть плота исчезала. Его не увидят ни с Темискиры, ни с южных берегов Греции. Диана надеялась подогнать плот как можно ближе к Йитиону. Оттуда до Терапны два дня ходу. Вряд ли Алия в ее состоянии сможет одолеть расстояние между городами быстрее. Возможно, им удастся раздобыть одно из моторных средств, о которых она читала.

– Ты умеешь управлять автомобилем? – спросила Диана, привязывая к плоту самодельный руль.

– Машиной? Не-а. В Нью-Йорке это не нужно.

Диана нахмурилась.

– Ну ладно. Даже пешком у нас будет достаточно времени, чтобы добраться до источника к началу гекатомбеона.

– А гекатомбеон – это?..

– Первый месяц по старому греческому календарю. Раньше он отмечал начало года.

– Понятно. Гекатомбеон. Собираемся у источника. Все крутые ребята будут там.

– Какие крутые ребята?

– Ох. Забудь. Там будем мы с тобой.

Диана не могла отделаться от ощущения, что Алия вообще не собиралась отправляться к источнику, но об этом можно было подумать и позже. Она вплела по волоску из гривы Хионы в собственные волосы и в волосы Алии, а затем помогла ей забраться на борт и ухватила за края плота.

Диана завела плот глубже в воду и легла на него животом, ощутив, как он качнулся под ее весом. Она слегка высвободила парус и положила руку на румпель.

Когда они летели по волнам, Диана оглянулась на маленькую бухту, которая с каждой секундой становилась все меньше. «Еще не поздно, – подумала она. – Развернись. Позволь острову сделать все за тебя». Вместо этого она велела Алии распустить парус и теперь смотрела, как ветер расправляет полотно. Плот перевалил через очередной гребень волны и так круто скользнул вниз, что у нее екнуло в животе.

Они миновали отмечающие границу скалы и погрузились в туман. На этот раз температура не изменилась, и Диана засомневалась, что сумеет уловить момент перехода. Волны здесь как будто были выше, но наверняка утверждать было нельзя. Но вот Алия закинула голову к небу и вздохнула полной грудью. На ее щеки возвращался цвет. Прекратилось ли землетрясение на Темискире? Открыла ли Мейв глаза? Или для того, чтобы очистить остров от влияния Алии, требовалась какая-то жертва?

Диана оглянулась на свой дом. Никогда еще она не удалялась от острова так далеко, никогда не видела его с такого расстояния. Туман слегка расступился, и она разглядела контуры острова, изгиб береговой линии, башни Эфезеума с одного края и огромный купол Бана-Мигдалл с другого, горные гребни и долины, напоминающие своими очертаниями возлежащую зеленую одалиску.

Туман сомкнулся. Темискира исчезла. Если бы сейчас она попыталась вернуться, признал бы ее остров? Смогла бы она найти его? Принял бы он ее возвращение благосклонно?

«Возвращение к чему?» – мрачно поинтересовался внутренний голос. Что будет, если она вернется? Что с того, что Оракул не рассказала Ипполите о том, как Диана предала свой народ? Если бы она не уплыла, то навсегда осталась бы всячески оберегаемой дочерью Ипполиты. Ей бы никогда не позволили выбрать свой путь.

Ипполита могла сколько угодно называть Диану амазонкой, но прежде всего она была ее дочерью – слишком драгоценной, слишком любимой, чтобы позволять ей подвергать себя опасности. Такой ее всегда видели бы другие амазонки: не настоящей сестрой, а ребенком их королевы. Она навсегда осталась бы чужой; слабостью, которой можно воспользоваться.

Но если у нее все получится, если она доставит Алию к источнику, это будет не просто миссия: это будет ее *подвиг*, великое путешествие, подобное тем, что совершали герои древности. Цепочка Вестниц войны прервется. Алия выживет, война будет предотвращена, а Диана покажет, на что способна. К тому времени Ипполита и Тек уже будут знать о ее преступлении. Она предстанет перед судом Совета амазонок, но Диана верила, что будет прощена. Остановить перерождение Вестниц войны? Предотвратить не одну войну, а бесконечную череду грядущих войн? Это было деяние, достойное амазонки. Диане придется понести наказание, но ее, разумеется, не изгонят. *«Тебе все равно придется посмотреть Мейв в глаза и рассказать ей, что причиной ее страданий была ты»*. Вот что станет для нее самым страшным, самым мучительным наказанием, и, вне всяких сомнений, Диана его заслужила.

Конечно, она может потерпеть неудачу. Она может спасти одну-единственную девушку и погрузить Землю в век войн – войн, которые, возможно, выйдут за пределы мира смертных и коснутся ее родного дома. Диана вспомнила свое видение: тело матери на поле боя, обвинение в затухающих глазах Тек, выжженная дотла земля, запах крови и горелой плоти в воздухе, чудовищное создание с головой шакала. Ее ошибка может стоить им всего.

«Нет». Неспроста именно она увидела, как затонула «Фетида», неспроста именно она вытащила Алию из воды. Ей подарили возможность принести людям мир и разорвать бесконечный круг войн, который живет в крови Алии. Она справится. И она не позволит страху сбить себя с пути.

Туман был холодным, а плот под ними метался из стороны в сторону, как живое существо. Диана сунула руку в карман и сомкнула пальцы на камне сердца. Шлифованные грани вдавились в ладонь.

– Алия, – позвала она, перекрикивая ветер, – возьми меня за руку.

Алия перебралась на корму и сжала руку Дианы, мокрую от дождя и морских брызг. Камень сердца лег между их ладонями.

– Готова? – спросила Диана, продолжая держаться другой рукой за румпель.

– Готова, – уверенно кивнула Алия.

Диана невольно усмехнулась.

– Предназначение ждет.

Она представила карту Греции, залив Лаконикос, щербинку в его южной части и мысленно произнесла: *«Веди нас»*.

Ничего не произошло.

Жуткая мысль пронзила Диану: вдруг она неправильно понимала принцип работы камней сердца? Или ее желание недостаточно сильно? Их плот затеряется в открытом море, и она больше никогда не увидит Темискиру.

И тут плот начал вращаться – сперва медленно, постепенно набирая скорость. Вокруг плота образовалась воронка; они оказались в центре колодца из серой воды и бурлящей пены. Воронка вращалась все быстрее и быстрее, водяные стены вздымались все выше и выше, пока небо далеко наверху не превратилось в булавочный укол света.

С громким треском парус сорвался с мачты и исчез в потоке воды. Плот затрясся, разваливаясь под ними на части.

– Не отпускай руку! – закричала Диана, крепко сжимая Алию.

– Издеваешься? – завопила та в ответ.

Мокрые насквозь, они скорчились на коленях рядом с рулем, сжимая ладони так крепко, что края рубина впивались в кожу.

«Тек была права. Боги разгневаны». Они никогда не желали видеть Диану на острове. Какой же самоуверенной душой она была, когда решила, что они послали ей Алию как шанс обрести величие. Они послали Алию как приманку, и теперь их с Вестницей войны поглотит ненасытная пасть моря.

Рев воды затопил уши, заполнил грохотом череп, ветер и соль хлестали по лицу с такой силой, что ей пришлось зажмуриться. Она скорчилась рядом с Алией, чувствуя ее пульс – или свой собственный? – через прижатые друг к другу ладони.

И вдруг мир замолчал. Рев не просто затих: он исчез. Диана открыла глаза, и стены колодца обрушились вниз и накрыли их с головой, бешено раскачав плот. Огрызок мачты окутала водяная пыль, а потом плот успокоился и вода застыла в пугающей неподвижности.

Их окружала тьма. Выходит, в мире смертных наступила ночь? Потеряли они время или приобрели, когда воспользовались камнем сердца?

Течение было сильным, и они продолжали двигаться, но плот лишь слегка покачивало на волнах.

Диана и Алиа уставились друг на друга. Мокрые волосы Алии свисали беспорядочной массой косичек, распахнутые глаза округлились и напоминали новенькие монеты. Диана подозревала, что сама выглядит не менее потрясенной.

– Сработало? – спросила Алиа.

Они медленно разжали руки. Камень сердца был перепачкан их кровью. Диана вытерла его о мокрые штаны и засунула в карман.

Она огляделась по сторонам. Их плот уменьшился в два раза. От мачты остались одни обломки, с которых печально свисали обрывки веревок. Сквозь туман Диана различила первые огни. Они были ярче фонарей Темискиры и горели ровнее факелов, эти яркие точки, сверкающие, как пойманные звезды – белые, голубые, золотистые, серебристо-зеленые.

– Сработало, – сказала Диана, не веря собственным глазам. – И правда сработало.

У нее получилось. Она покинула Темискиру. Она пересекла границу и оказалась в мире людей.

Теперь огни горели по обе стороны от них. Их становилось все больше – гораздо больше, чем она могла себе представить. Диана слышала плеск воды у краев плота, а еще – глубокие, звучные гудки. Пароходы. Раньше ей доводилось слышать их только с острова, с огромного расстояния.

Но огни были слишком близко, они светили слишком ярко, их было слишком много. Неужели она перенесла их настолько близко к городу? И почему Ионическое море кажется ей не глубже пруда?

Туман развеялся, и Диана увидела еще один огонь высоко в небе. Он выделялся среди других: это был яркий желтый факел, который держала над головой статуя амазонки с суровым

лицом, в короне, напоминающей лучи солнца, и мантии, опадающей медными, позеленевшими от времени складками. За статуей виднелись огни длинного моста.

– Что-то не так, – сказала Диана, медленно поднимаясь на ноги. – Это не Греция.

Алиа запрокинула голову и расхохоталась – восторженно, с облегчением... с гордостью.

– Невероятно, – прошептала Алиа. Она раскинула руки, словно хотела обнять весь город, словно все эти огни зажглись для нее. – Добро пожаловать в величайший город на Земле, Диана. Это Нью-Йорк. – Она издала радостный вопль и подняла голову в небо. – Это мой дом!

Глава 6

«Что я наделала?» От местного воздуха в горле у Дианы запершило. Она *чувствовала* его кожей, ощущала на языке его сырость и пепельный привкус. Огни на берегу больше не напоминали звезды; теперь они походили на глаза хищников, волков, поджидающих в темноте.

Она резко повернулась к Алии.

– Что ты сделала?

Алия подняла руки вверх.

– Это же ты рулила.

– Рулил камень сердца. Я думала об источнике. Я сосредоточилась на побережье... – Слова замерли на языке, когда она увидела счастливое, сияющее облегчением лицо Алии. Камень сердца повинуется желаниям той, кто им управляет. Очевидно, воля Алии оказалась сильнее. – Ты думала о доме.

Против ее желания в голосе прозвучало обвинение.

Алия пожала плечами.

– Мне очень жаль.

– Что-то непохоже.

Снова проревел гудок, на этот раз ближе. Мимо прошла баржа, волна от которой захлестнула останки их плота. Они зашатались, но кое-как удержались, однако плот быстро набирал воду. «Думай!» – мысленно прикрикнула Диана. Камень сердца позволял лишь покинуть Темискиру или вернуться туда. Она могла бы использовать его, чтобы вернуть их на остров, и попытаться еще раз, но не слишком ли велик риск – снова приводить Вестницу войны на Темискиру? Переживет ли это Алия или остров?

На востоке рассвет уже окрасил небо серым. Она обвела взглядом горизонт. Нью-Йорк. Остров Манхэттен. Благодаря урокам Диана достаточно неплохо знала карты и понимала, что находится за тысячи миль от Терапны, источника и всякой надежды.

У нее вырвался бессильный стон.

– Как такое могло произойти?

Алия слегка улыбнулась.

– Я весь день задаю себе этот вопрос.

Неужели прошел всего день? Этим утром единственным, о чем стоило беспокоиться Диане, был забег. Теперь она оставила позади родной дом и жизнь, которую знала, и, возможно, обрекла мир на кровавый век войны. У нее определенно дар устраивать катастрофы.

«Придумай новый план, – велела она себе. – Солдаты приспосабливаются к обстоятельствам».

– Нам нужно попасть на берег, – сказала она решительно. Не весть какой план, но надо же с чего-то начинать. Правда, у них не было ни мачты, ни паруса, ни весел. – Придется добираться вплавь.

Алия поежилась.

– Первое правило Нью-Йорка: никогда не плавай в Гудзоне. Ты хоть представляешь, сколько там всякой дряни?

Диана окинула реку взглядом. Мутная вода синего, почти грифельного цвета. Ничего общего с прозрачными водами Темискиры. И все же...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.